оксана васильева

БАБОЧКИ В КИСЕЛЕ

счастье
хорошо в той мере,
в какой от него можно отказаться

18+

Оксана Васильева

Бабочки в киселе

Серия «RED. Про любовь и не только»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68966595
ISBN 978-5-04-185337-2

Аннотация

Леонид Андреевич Строкин – талантливый педагог, директор музыкальной школы. Под его руководством школа становится местом притяжения педагогов-энтузиастов, детей и родителей. В личной жизни тоже все как надо – Строкин счастливо женат на женщине, которая моложе его на двадцать шесть лет.

Но фундамент счастливой жизни не очень прочный – администрация принимает решение закрыть школу, и Строкин серьезно заболевает. Он не хочет стать обузой жене и решает позаботиться о ее будущем без него. К счастью, на горизонте появляется молодой педагог, который сближается с его женой. Строкину кажется, что он готов пойти на все ради счастья любимой, даже на самоубийство. Но вскоре понимает, что это не единственный путь.

Комментарий Редакции: Светлая драма о том, что на руинах прошлой счастливой жизни может расцвести новая.

Содержание

Пролог. Июнь 2018 года 5
Глава 1. Август 2017 года 8
Глава 2. Сентябрь 2017 года 27
Глава 3. Октябрь 2017 года 60
Глава 4. Ноябрь 2017 года 87
Конец ознакомительного фрагмента. 91

Оксана Васильева
Бабочки в киселе

Художественное оформление: Редакция Eksmo Digital (RED)

В оформлении использована иллюстрация:

© Annykos / iStock / Getty Images Plus / GettyImages.ru

* * *

Пролог. Июнь 2018 года

Стела в духе восьмидесятых с бетонным основанием и крупными красными буквами «Новозаводск» считалась местом мистическим. Она возвышалась на повороте трассы Шадрин – Новозаводск, предваряя зелёный забор городской свалки, и нередко служила последним препятствием перед лучшим миром для всякого рода лихачей.

В середине июня две тысячи восемнадцатого года, во второй половине дня Леонид Андреевич Строкин, подъезжавший к стеле на старенькой, но бодрой и ухоженной вишнёвой «Ладе», решил пополнить список дорожно-транспортных происшествий за месяц своей смертью в результате несчастного случая.

Не справился с управлением. Бывает.

Тем более, место нехорошее. Говорят, когда газопровод вели, курган сарматский раскопали со скелетами. Потому и бьются тут, что ни месяц, то авария.

Строкин даже задышал ровнее, настолько простой была мысль о том, чтобы въехать в стелу.

В самом деле!

Женечка получит свободу, настоящую свободу для принятия собственных решений без оглядки на какое бы то ни было чувство вины.

Он не увидит, как отберут школу.

Сердце, наконец, перестанет болеть.

И будет выглядеть очень естественно. Никаких прощальных писем. Никакого наведённого порядка в вещах и бумагах. Ничего, что могло бы натолкнуть Женечку на мысль о его самоубийстве.

Строкин вспомнил, как, уходя из дома, в который раз наткнулся под вешалкой на свои чёрные концертные туфли. Так и не убранные в шкаф, они стояли вперемешку с кроссовками, осенними ботинками и домашними тапочками.

И ещё рубашка. Он бросил на вешалку клетчатую рубашку. Она повисла нелепо, зацепившись одним рукавом за соседний крючок. Разве можно сознательно уйти из жизни, оставив любимую рубашку на вешалке в таком виде. Глупости, конечно. Пустяки. Но сейчас на ум приходили именно они, а никак не глубокое осмысление прожитой жизни.

Шёл седьмой час вечера. Жара не отпускала, асфальт плавился, кондиционер в салоне работал через силу. Не хотелось ни думать, ни переживать, ни прислушиваться к сердечным сбоям.

Всего лишь набрать скорость.

Да, и ремень! Отстегнуть ремень безопасности. Бывали случаи, когда Строкин совершенно забывал о нём, тогда Женечка возмущалась и даже легонько стукала его кулачком в плечо. Но сегодня её нет рядом.

Подумать, несомненно, оказалось легче, чем сделать. Застёжку заело. Пока он воевал с механизмом, откуда-то из

недр салона явилась муха и с неутомимостью юного натуралиста взялась исследовать кончик носа Строкина. Шлепки по носу не производили на неё должного впечатления. Она взлетала и возвращалась, мешая сосредоточиться. Нос нещадно чесался, что несколько снижало пафос ситуации.

Наконец, Строкин справился с ремнём и основательно поскрёб пальцем кончик носа. Муха пересела на зеркало.

Они начали разгоняться навстречу гибели: Строкин сознательно, а муха – пребывая в полном неведении относительно трагизма следующих мгновений жизни.

Глава 1. Август 2017 года

Леонид

– Направление к кардиологу вам даю, не затягивайте, слышите? Кардиограммка-то печальненькая! Сходите, не доводите до скорой! А то знаю я вас, педагогов! Сентябрь начнётся – и всё!

Терапевт смотрела серьёзно сквозь внушительного вида оправу. Захотелось выпрямиться и отрапортовать, как в армии: «Слушаюсь!»

Разговор застал его врасплох. Обычно ежегодный медосмотр ограничивался беглым общением со специалистами и желанием как можно скорее получить от них отметку «годен» в обходном листе, чтобы забыть о Центре профосмотров до следующего года.

Строкин вышел из кабинета, встретился глазами с Женечкой, которая освободилась раньше него и теперь, как прилежная жена, ждала у дверей.

– В порядке? – спросила она. Спросила скорее по привычке, нежели веря, что он сейчас отчитается о состоянии здоровья.

– Да, хорошо! Поехали.

Сердце, и правда, частенько прихватывало. Не хватало воздуха. Но потом отпускало. Стоит ли обращать внимание? Рядом с Женечкой, высокой, сильной, гибкой, он не мог, не

имел права чувствовать себя больным и слабым.

Но что-то уж врач чересчур серьёзна. Перестраховывается? Или сходить к кардиологу? А если дела там и вправду неважные? И он станет для Женечки обузой? А о чём он думал, когда женился на женщине на двадцать шесть лет моложе себя? Да точно не об этом.

Ведя с собой внутренний диалог, Строкин вырулил со стоянки. Профосмотр занял почти полдня. Нужно завезти Женечку домой, и потом – в школу.

Детская музыкальная школа № 2 города Новозаводска с начала двухтысячных переехала из старого барака в Заводском районе в двухэтажную пристройку многоквартирного дома на краю города. Здесь собирались открыть то ли отделение банка, то ли стоматологию, но в девяностые строительство заморозили. Пристройка несколько лет простояла бесхозной, и только когда в бараке крышу окончательно признали аварийной, дело вдруг сдвинулось с мёртвой точки. Помещение в сжатые сроки довели до сдачи. И сдали, отрапортовав об открытии здания музыкальной школы № 2 по инстанциям. Так она и досталась через год новому директору Леониду Андреевичу Строкину во владение во всей красе поспешно проведённых строительных работ: с плохо работающей системой отопления, шелушащимися стенами и (барабанная дробь!) протекающей крышей.

Строкин припарковался у торца здания и медленно пошёл к школе, разглядывая недавно поставленные у входа ва-

зоны – подарок району от городской администрации. Парочку таких вазонов на остановке «2-я Степная» разбили в первые же три дня. А те, что стояли у торгового центра «Тюльпан», быстро превратились в гигантские пепельницы, украшенные редкими цветочными граммофончиками, выжившими из упрямства. Вазоны у музыкальной школы пока оставались целыми и радовали глаз. Сам Строкин и другие сотрудники следили за поливом. Петуния, бархатцы, портулак отлично прижились и с гордостью демонстрировали собой полёт дизайнерской мысли городских озеленителей.

Школа шумела. На три часа дня хоровик назначила репетицию сводного хора. А в пять Строкин собирался встретиться со старшим составом оркестра.

– Леонид Андреевич, добрый день!

– Добрый день, Вера Борисовна! Как тут у нас?

– В полном порядке! – отрапортовала вахтёрша, выглянув из окошечка. – Леонид Андреевич, яблочки будете? Со своего сада. Вчера с мужем четыре ведра привезли.

И она протянула Строкину плотный чёрный пакет, доверху наполненный мелкими жёлтыми уралками.

– Да куда мне столько, Вера Борисовна! Давайте детей угостим.

– Детям вон ещё два пакета стоят. Намою и раздам. А это вам. Сами поедите, Евгения Александровна варенье наварит. Знаете, какое с них варенье! За уши не оторвёшь! Яблочки прямо целиком варить надо, не резать. Рецепт дам.

Вахтёрша была чемпионом чемпионов в национальном виде спорта Новозаводска – разведении огородов на любой близлежащей территории. Помимо шести соток, которые достались ей ещё от родителей, они с мужем прикупили и соседний участок, не нужный хозяевам. Овощи, яблоки, груши, сливы и прочая зелень, а также невиданных размеров кабачки и тыквы от Веры Борисовны кормили и сотрудников, и учеников, являясь такой же частью школьной мифологии, что и кот Мефодий.

Жил он неизвестно где, но неизменно посещал концерты и даже экзамены. Старшие ученики шёпотом рассказывали младшим: Мефодий появляется из ниоткуда минут за десять до начала любого концерта. Слева, на краю сцены, у ступенек. Только что не было, и вот он уже лежит. Если перед выступлением изловчиться и почесать Мефодия за ухом, сыграешь отлично.

Строкин принял у Веры Борисовны из рук пакет с яблоками и поспешил ретироваться в свой кабинет, зная по опыту, что на яблоках вахтёрша не остановится, и ему придётся взять ещё и перцы, или баклажаны, или какой-нибудь убойного вида китайский огурец, дабы не обижать добрую женщину отказом. Пока он раздумывал, куда пристроить пакет, который уже два раза падал, и яблоки весело убегали из него, подскакивая по полу жёлтыми мячиками, в дверь заглянула Пелецкая.

– Леонид Андреевич, можно?

Вот уж кого Строкин всегда рад был видеть! В первые дни своего директорствования он принял на работу круглолицую молодую женщину с громким смехом и порывистыми движениями и получил не только сильного и любимого детьми педагога по сольфеджио и музлитературе, но и поддержку любой своей, даже самой странной на первый взгляд организаторской инициативе. С тех пор Анастасия Ивановна родила двоих детей, с треском выгнала бывшего мужа, научилась кататься на скейтборде, пристрастилась к моржеванию и чтению книг на французском.

А ещё она тепло приняла Женечку, когда та появилась в школе.

Этим летом Пелецкая снова вышла замуж и в медовый месяц укатила в сплав, кажется, по Белой. Вернулась, стало быть.

– Леонид Андреевич, новости у меня. УЗИ показало двойню. Врачи советуют не ждать декрета, а уходить на больничный прямо сейчас. Нужно искать мне замену.

– Чудесные новости! Анастасия Ивановна, не беспокойтесь, берите больничный. И берегите себя!

Когда за Пелецкой закрылась дверь, Строкин встал из-за стола, прошёлся по кабинету и в задумчивости остановился у окна. Найти педагога по теоретическим дисциплинам перед самым началом учебного года, да ещё такого, который бы органично влился в их сумасшедшую команду, – задача почти неосуществимая.

Оставалось одно – сделать звонок старому другу.

– Да, Лёнечка! – раздался в телефоне жизнерадостный голос.

– Густав, мне нужна твоя помощь. Нет ли у тебя на примете выпускника Академии, готового поделиться с детьми основами теории музыки?

Собака

Собака появилась на свет в зарослях лопухов под трубами теплотрассы в жаркий августовский полдень. Она родилась самой крупной в помёте и самой непохожей ни на мать, уже немолодую тёмную суку, окрасом и обликом напоминавшую гиену, ни на двух таких же тёмных братьев. Остатки картонной коробки, которую мать облюбовала для произведения потомства на свет, с одной стороны защищали трубы, выходящие из земли, а с другой стороны – пыльные лопухи, что разрослись за лето и давали новорождённым тень даже в самое жаркое время.

Мир вокруг, за пределами лопухов, напоминал о себе шумами и запахами. Супермаркет «Апельсин» объявлял скидку на летнюю обувь. Шашлычная на остановке сбивала с ног ароматами. На детской площадке за автостоянкой, несмотря на солнцепёк, гомонила детвора. А чуть дальше под трубами, за бетонной подпоркой, на спинке от дивана дремал Вечный Сеня со светлой улыбкой на губах, благоухая годами немытого тела.

Но собака, пока ещё слепая и глухая, была равнодушна к миру. Она нашла мордочкой сосок, поцедила молозиво и уснула, прижимаясь к горячему животу тяжело дышащей матери.

Женя

Они всегда праздновали её день рождения именно так. Вдвоём. Без гостей. В большой комнате, которую Лёнечка называл «Комнатой чудес».

Большой комната числилась не потому, что имела огромные размеры, а потому, что выигрывала в сравнении со спальней. В «Комнате чудес» жили старый диван и небольшой зелёный с цветочным узором ковёр на полу, оставшиеся ещё со времён Кати, Лёнечкиной тётки, угол занимали компьютерный стол и вращающееся офисное кресло, а по двум стенам шли огромные стеллажи. Один из них заполняла домашняя библиотека, а другой содержал те самые чудесные вещи, из-за которых комната получила своё название. Две скрипки в потёртых кофрах, фонарь, стилизованный под старинную керосиновую лампу, голубое шерстяное одеяло с прожжённым углом, три альбома с фотографиями, разбитая на кусочки и бережно склеенная кружка с изображением силуэтов мужчины и женщины, сидящих под деревом, прижавшись спинами друг к другу.

Впрочем, чудесными эти вещи представлялись только обитателям квартиры. Стороннего же наблюдателя могла за-

интересовать, возможно, лишь полка с коллекцией нотных изданий для струнных инструментов. Лёнечка собирал ноты много лет, одинаково бережно сохраняя и свои детские тетради с переписанными в них короткими скрипичными пьесами его учителя Летушкина, и довольно редкие букинистические находки, и красивые подарочные издания, привезённые из Германии Густавом.

Женя расстелила на полу поверх ковра голубое одеяло, сварила несколько яиц, нарезала хлеб и налила сметану в синюю пиалу с золотыми разводами. Собственно, вот и вся подготовка к праздничному вечеру. А там, в башкирской деревне, так и было.

Ещё Лёнечка купит груши. Много груш, разных. Какие найдутся в ближайших магазинах и на овощном рынке возле остановки: большие зелёные; жёлтые, брызжущие соком; сдержанные, суховатые сорта «Конференция»; маленькие душистые красные.

А потом они выключат свет, зажгут фонарь, будут ужинать в сумерках, глядя, как затухает за окном день, и слушать крики грачиных стай, совершающих вечерний променад по небу. И она ощутит покой. Тот самый покой, что он дарит ей восемь последних лет.

…Их посиделки на старом голубом одеяле не всегда заканчивались близостью. Но Жене показалось, что именно сегодня Лёнечка расстроился. Он был чрезвычайно внимателен и даже щепетилен в том, что касалось этой стороны их

семейной жизни.

– У Пелецкой будет двойня, представляешь?

Женя лежала в своей любимой позе: повернувшись на правый бок и прижавшись спиной к мужу. Так вот, значит, какова причина его терзаний.

– А когда она ждёт? – спросила она, не поворачиваясь.

– Кажется, в феврале.

– Надо будет придумать, что подарить. Двойня!

– Женечка…

Она развернулась к нему, поцеловала:

– У нас всё хорошо. Я счастлива.

Герман

– Что значит «вакансий нет»? Я звонил вам позавчера. Договаривался, что прилетаю сегодня. Что могло кардинально измениться за полтора дня? – Герман смотрел на специалиста отдела кадров Шадринской областной филармонии и понимал, что эту броню профессионального безразличия и провинциального хамства пробить не удастся.

Он сорвался из Москвы, ухватившись за первое нашедшееся в интернете объявление о вакансии. Складывалось слишком уж гладко: и предварительная договорённость о работе, и так кстати появившийся на сайте единственный билет на ближайший самолёт.

А что теперь?

– Мы уже приняли человека, выпускника нашей Акаде-

мии искусств. Ничем не могу вам помочь! – чиновница выделила слово «нашей», гордясь тем, как поставила на место столичную штучку.

Положение казалось настолько абсурдным, что он даже невесело заулыбался, выйдя на улицу и присев на лавочку в сквере. Последние семь лет, что Герман Велехов жил и работал в столице, ему не переставали напоминать: он зарвавшийся провинциал, жаждущий любыми путями пробиться и устроиться. Но стоило уехать из Москвы, как зарвавшийся провинциал тут же превратился в столичного сноба с претензиями, который возомнил о себе невесть что и теперь хочет вырвать место под солнцем у местных самородков.

Спешить было некуда. Герман прошёлся по улице до торгового центра с оригинальным названием «Центр», увидел на углу «Русские блины» и понял, что обед по местному времени безнадёжно упущен, а вот по московскому – как раз. Кафе попалось весьма кстати, а то до ужина при такой нервной жизни можно не дотянуть. Он заказал «Охотничью солянку», три больших блина с грибами и курицей и стал есть, поглядывая на уличное движение за окном.

Варианты возвращения в Москву или в родной Новосибирск Велехов не рассматривал. Из Москвы он сбежал осознанно. Объяснять знакомым в Новосибирске, почему не сложилось в Москве, и ловить их сочувственные или злорадные взгляды тоже не хотелось. Хотелось тихо пожить какое-то время, ну, скажем, год, в незнакомом месте, теша сер-

дечные раны и предаваясь размышлениям о том, что делать дальше.

Друзей и родных у него в Шадрине не водилось, а вот что касается знакомых, то Герман, обжившись, собирался встретиться с неким Густавом Лоренцом, преподававшим в местной Академии искусств. Ни к чему не обязывающее знакомство на Московском молодёжном музыкальном форуме, где их представила друг другу… А впрочем, не будем тревожить имя. Герман педантично занёс в телефон номер нового знакомого и забыл о нём до сегодняшнего дня.

Номер оказался рабочим.

– Слушаю вас!

– Густав Иванович, добрый день! Вас беспокоит Герман Велехов. Если помните, мы познакомились в Москве.

– Прекрасно помню, Герман.

– Я сейчас в Шадрине. Могли бы мы встретиться?

– Конечно, приезжайте ко мне в Академию.

Вечером того же дня, сидя за столом в гостеприимном доме Густава и его жены Лины, Герман почувствовал, что успокоился, и по-настоящему начал принимать происходящее как начало приключения. Он видел, что нравится и самому Густаву, и его жене, и с удивлением обнаружил, что легко рассказывает им о причинах отъезда из столицы, правда, не упоминая имён. Вернее, одного имени. И даже о своей неудачной попытке устроиться на работу в Шадринскую филармонию поведал так, что рассмешил хозяйку дома до

слёз. Но как он ни старался, невинный вопрос Густава сбил его с радостного настроя:

– А как там Ирина поживает? Я помню, она рассказывала о совершенно грандиозных проектах и планах на год.

– Э-э-э… – замялся Герман. – Я не в курсе.

– Жаль. А мне тогда в Москве показалось, что вы довольно близко общались.

– Густав, сходи, пожалуйста, за чайником, – вмешалась в разговор Лина.

– Он ещё не закипел, я только поставил. Лина, а ты помнишь Ирину?

– Друзья мои, простите, но мне нужно сделать один звонок, – поднялся из-за стола Герман, очень надеясь, что надуманный предлог не выглядит слишком неуклюжей попыткой прервать разговор. Он вышел в коридор и услышал за спиной возмущённый шёпот Лины:

– Густав, твоя деликатность не имеет границ! Что ты пристал к мальчику?! Не видишь, он переживает!

– Ты хочешь сказать, что он из-за…

– Да, именно это я и хочу сказать.

Когда Герман вернулся к столу, разговор об общих знакомых не возобновился, и могла бы повиснуть неловкая пауза, но ситуацию спас чайник. Все обрадованно засуетились: Густав побежал заваривать особый чай, «специально для дорогих гостей», Лина с Германом убрали со стола грязную посуду и принесли чашки. Потом они вместе воздали должное

пирогу с вишней из недавно открытой возле Академии частной пекарни, и вечер почти закончился, как вдруг Густав, рассказывавший что-то об особенностях местной выпечки, остановился на полуслове, посмотрел на гостя пристально и спросил:

– А не хотите ли вы, Герман, коль уж так сложилось, помочь хорошему человеку и поработать в одной небольшой музыкальной школе?

Сёма

Бабушка погладила Сёме голубую рубашку с коротким рукавом и попыталась причесать его отросшую за лето шевелюру:

– Сегодня решим с музыкой, а завтра – стричься.

Сёма кивнул, он не спорил с бабушкой по мелочам. Такая вещь, как поход в парикмахерскую, несомненно, мелочи. А вот если не понравится новый учитель музыки, на занятия он ходить не будет. Ему хватило прошлого года. В конце концов, с Искрой он ладит и без всяких учителей. А когда вырастет, то станет бродячим артистом, будет путешествовать по городам и играть на площадях. У бродячих музыкантов никто не спрашивает, закончили они дурацкую музыкалку или не закончили. Да, так он бабушке и скажет!

За год жизни в Новозаводске Сёма ещё ни разу не доезжал до окраины города. Через пару кварталов от остановки, на которой они вышли, начиналась степь, на горизонте вид-

нелись приземистые, больше похожие на холмы Губерлинские горы, у их подножия протекал не видимый отсюда Урал. Район состоял из панельных девятиэтажек, различимых разве что вывесками магазинов внизу, но музыкальную школу № 2 они нашли сразу. Потому что на ступеньках выстроились большие мальчишки со скрипками и, кажется, альтами, Сёма не был уверен, а девчонка с кудрявыми светлыми, почти белыми волосами стояла перед ними на асфальте и размахивала смычком в правой руке, как дирижёрской палочкой. Пока Сёма с бабушкой приближались к зданию школы, мальчишки успели два раза начать играть, но быстро сбились.

– Ну чего вы квакаете-то? Вместе вступить – не судьба? – напустилась на них девчонка. – Давайте ещё раз!

Сёма с бабушкой остановились перед ступеньками, не решаясь помешать.

– Сонь, может, хватит? Ты нас до смерти хочешь урепетировать? – взмолился мальчишка в жёлтой футболке. – Люди добрые, – жалостливо заныл он, обращаясь к Сёме с бабушкой, – спасите от скрипичного тирана!

– Соньк, ну, правда, пить охота! Два часа уже пилим! – подключились его товарищи по несчастью.

– Да вы ни разу нормально не сыграли!

– Ты хоть людей пропусти!

Соня оглянулась, увидела Сёму с бабушкой, нимало не смущаясь, сказала «драсьте», чуть отодвинулась, пропуская их к дверям, а потом снова вскинула смычок. Мальчишки

вздохнули и подняли на плечи инструменты.

Пока бабушка спрашивала на вахте, как найти кабинет директора, Сёма прошёл чуть дальше в холл. Справа по двери с табличкой «Актовый зал» спускался огромный вязаный паук чёрного цвета с шестью красными глазами-бусинами и белым крестом на туловище. Рядом с дверью стояла обычная школьная парта, над которой висел обычный почтовый ящик. На парте в трёх канцелярских лотках лежали бумага, почтовые конверты и открытки, распечатанные на чёрно-белом принтере, с изображением зверей, играющих на музыкальных инструментах. Из пластмассового стаканчика топорщились разноцветные карандаши и ручки, а рядом на столе находился круглый предмет неизвестного Сёме назначения. В центре предмета, в круглом отверстии поблёскивала тёмная жидкость.

– Надо же, чернильница! Сто лет такой не видела! – удивилась подошедшая сзади бабушка. – Что у них тут, почта, что ли? Ну, пойдём! О, боже мой!

Паука заметила, понял Сёма.

Кабинет директора нашёлся с другой стороны от гардероба. На двери сидел зелёный вязаный бегемот на качелях. Бабушка толкнула дверь, они вошли и увидели у окна высокого, несколько грузного дядьку с седыми волосами.

– Здравствуйте! – начала бабушка.

Дядька у окна развернулся, приветственно кивая, задержал на бабушке взгляд, разулыбался и сказал с чуть замет-

ным сомнением в голосе:

– Оля?

– Да, Лёня, я, – почему-то совсем не удивилась она. – Узнал?

Дальнейшие события развивались настолько стремительно, что Сёма даже отступил на несколько шагов. Потому что седой дядька и бабушка бросились обниматься друг с другом, смеясь, восклицая попеременно то «Лёнечка», то «Олечка» и не переставая сообщать миру, как же они рады друг друга видеть.

Когда восторги немного поутихли, бабушка вспомнила про Сёму.

– Лёня, а это мой внук Сёма, – торжественно сказала она, взяв Сёму за плечи и подводя к директору. – Сёма, знакомься, мой одноклассник Лёня Строкин. Лёнь, как тебя по отчеству?

– Андреевич.

– Да, Сёма, Леонид Андреевич!

– Семён Михайлович! – Сёма, насупившись, протянул руку.

Леонид Андреевич тут же пожал Сёмину ладошку с самым серьёзным видом и сказал:

– Очень рад знакомству.

Сёме это понравилось. И сама школа вызывала любопытство. Но давать слабину он не собирался. Он для себя уже заранее всё решил. Вот.

Тем временем Леонид Андреевич пригласил их сесть, и бабушка приступила к самой важной части встречи – разговору о Сёминой музыкальной судьбе.

Сёмина мама, до недавнего времени жившая с мужем, нет, не с Сёминым отцом, а с другим мужчиной, в Саратове, снова развелась, она человек с непростым характером, сложно с ней, так вот, Сёмина мама перебралась в Москву. Пытается устроиться, понятное дело, на съёмной квартире где-то на окраине Юго-Запада. А Сёма временно с бабушкой в Новозаводске, уже второй год. Он начал посещать музыкальную школу в пять лет, ещё в Саратове. И его очень хвалили. Сейчас ему восемь. А в прошлом году они пошли в первую музыкалку, потому что она к дому ближе, но там не получилось с педагогом, контакта не возникло. А мальчик тоже сложный, в мать. И упёрся: с марта перестал ходить на уроки. Нет, заниматься не перестал.

Сёма выскользнул из кабинета, справедливо полагая, что взрослым есть о чём поговорить, а слушать в очередной раз историю своей жизни в бабушкином пересказе неинтересно. Гораздо интереснее обследовать территорию. На первом этаже напротив актового зала находились ещё две двери. На одной, под табличкой «Теоретический класс», никакого вязаного животного не висело. Соседняя дверь оказалась открытой, и оттуда раздавался гул голосов и смех. Сёма заглянул внутрь: в комнате с салатовыми занавесками стояло два дивана у стен и большой овальный стол посередине. За столом,

держа в руках кружки разных цветов и мастей, сидела ребячья компания. Сёма узнал мальчишек, встретивших их с бабушкой на ступеньках школы, и белокурую Соню. Однако в гораздо большей степени его интересовала дверь. И она не разочаровала. Прикрыв комнату, Сёма прочитал – «Необы-Чайная». С таблички свешивалось красное вязаное яблоко с выглядывающим из него белым червячком в синей шляпе.

В углу, между кабинетом и лестницей, ведущей на второй этаж, высился могучий красавец кактус в кадке с надписью «Бенедикт». По стенкам лестничных пролётов были натянуты бельевые верёвки и висели фотографии на прищепках. Фотографии требовали пристального изучения. Сёма успел подняться только до первой площадки, когда услышал встревоженный голос бабушки. Пришлось возвращаться.

Бабушка и директор стояли в холле.

– Значит, договорились, мы с Сёмой начнём ходить на занятия с сентября, – сказала бабушка, легко дотронулась до локтя бывшего одноклассника и направилась к выходу.

Леонид Андреевич кивнул. Сёма, никому ничего не обещавший, тоже кивнул, потому что неизведанный второй этаж вынуждал его прийти сюда хотя бы ещё раз, снова, прощаясь, по-мужски пожал директору руку и уже почти опередил бабушку, собираясь открыть перед ней дверь, когда услышал, как Леонид Андреевич спросил вдогонку:

– Семён Михайлович, как зовут вашу скрипку?

Сёма медленно развернулся, не смея поверить своим

ушам, и, наконец, произнёс негромко:

– Искра.

Директор снова кивнул, и Сёма с бабушкой вышли на улицу.

Глава 2. Сентябрь 2017 года

Герман

Шла вторая рабочая неделя. Герман чувствовал радость от того, что справляется. Он никогда раньше не помышлял о роли педагога. Такая работа казалась ему рутинной и какой-то второсортной, что ли. Учит тот, кто сам ничего не может добиться. Но теперь Герман раздумывал: его нынешняя жизнь – поражение, попытка обмануть себя и сказать, что помочь детям встретиться с музыкой не менее важно, чем виртуозно играть на виолончели, или та самая стезя, которую он так тщетно пытался отыскать долгие годы? Ответа он не находил и в какой-то момент бросил бесплодные размышления до лучших времён.

Новозаводск с первого взгляда произвёл на него удручающее впечатление. Герман даже начал сожалеть, что столь поспешно согласился на предложение Густава, явно находясь под размягчающим влиянием чая «специально для гостей» и пирога с вишней. Городок стоял посреди степи, издалека извещая о своём существовании трубами металлургического комбината. Шадринское такси провезло Германа по пустынным улицам с редко попадавшимися навстречу машинами и ещё более редкими прохожими. На остановке пустой трамвай лязгнул дверьми и, дребезжа, покатил по рельсам.

– А где люди-то? – спросил Герман таксиста.

– Так на работе все. Середина дня. Кому тут гулять?

Остановка «2-я Степная», возле которой находилась музыкальная школа № 2, выглядела более оживлённой. Из торгового центра «Тюльпан» вышли две молодые мамы с колясками. Продавщица овощного ларька показывала пожилому мужчине дыню с наружного лотка. Торговка семечками лениво переругивалась с мороженщицей, прячущейся под полосатым зонтиком тележки.

Таксист помог Герману вытащить чемодан и тут же уехал, ворча, что вряд ли найдёт пассажиров на обратную дорогу в такое время из такой дыры.

Герман покатил багаж к пристройке, из открытых окон которой раздавались знакомые каждому музыканту звуки инструментов, одновременно играющих каждый своё.

Левое колёсико на чемодане заедало, Герману то и дело приходилось оборачиваться и идти спиной. Неудивительно, что они чуть не столкнулись. Когда Герман в очередной раз оторвался взглядом от колёсика, чтобы посмотреть вперёд, он неожиданно увидел мчащегося прямо на него полного седого мужчину на самокате. Они не сшиблись каким-то чудом. Герман отпрянул вправо, мужчина на самокате отпрыгнул в другую сторону. Отпрыгнул так резко, что самокат вырвался у него из рук и отлетел на газон.

– Извините, – с трудом произнёс горе-гонщик. Он тяжело дышал и хватался рукой за поясницу.

Герман не успел ответить, как мужчину окружила стайка

детей лет десяти-одиннадцати и заверещала:

– Леонид Андреевич, ну вы даёте!

– Кто ж так разгоняется с первого раза?

– Вы неправильно отталкиваетесь, давайте покажу?

– Что, опять спина, да?

– Ох, зря я повёлся на ваши уговоры! Вот, чуть человека не сшиб! – мужчина улыбнулся Герману и тут заметил, помимо чемодана, виолончельный кофр. – И какого человека – музыканта! Который, подозреваю, не просто так шёл мимо, да? Вы ведь Герман Владимирович?

Так Герман впервые увидел директора музыкальной школы № 2 города Новозаводска.

Школа была небольшая, учеников на восемьдесят, и находилась почти на краю города в спальном районе. Герман вёл уроки в кабинете для теоретических дисциплин, на первом этаже, напротив актового зала. Здесь внизу занимался ещё Строкин. Директор обучал трёх альтистов и скрипача Сёму. На втором работали: духовик Слава Антипов, с виду совсем мальчишка, светлоглазый и светловолосый, тонкий, как флейта, внук незаменимого школьного концертмейстера Маргариты Генриховны Жахт, ведущей, к тому же, часы общего фортепиано, причём расписание для Маргариты Генриховны составлялось настолько плотное, что она, кажется, не покидала стен школы много лет, потому что некогда; семейная пара виолончелистов Ганелиных, чьи кабинеты находились рядом; повелительница хора и хозяйка хоро-

вого класса, дама средних лет Наталья Юрьевна Модестова, а также три преподавателя скрипки – сухонький, уже вне всякого возраста Аркадий Васильевич Прянишников в неизменном сером костюме с бабочкой, Виктор Алексеевич Потёмкин, мультиинтструменталист, утверждающий, что настоящий музыкант немыслим без занятий спортом, и держащий в кабинете гантели, и, наконец, заместитель директора по учебной и воспитательной работе Евгения Александровна, красивая молодая женщина, ровесница Германа, оказавшаяся женой директора.

Она на первых порах и взяла над новым педагогом шефство, объясняя, как действует школа, и не давая слишком уж удивляться увиденному и услышанному.

А удивляться, пожалуй, было чему.

Школа работает без выходных, чтобы в субботу и воскресенье дети могли прийти и позаниматься, не мешая никому дома. Да, приходится дежурить. Но никто из педагогов обычно не отказывается, и дежурства выпадают не так часто.

Раз в месяц для четвёртых классов окрестных школ придумана «Детская филармония», где дети знакомятся с музыкальными инструментами. А ещё по средам и пятницам – домашнее музицирование. Родители приходят поиграть на инструментах вместе с детьми, ну и педагоги, конечно. И обязательно какие-нибудь выступления в городе.

Она успела пересказать ему план работы школы на несколько месяцев на празднике, посвящённом началу учеб-

ного года. Праздник напоминал семейное торжество, на которое съехались родственники после долгого перерыва. В холле в один стол соединили парты из кабинета Германа, расставили чашки, тарелки с булочками и печеньем, пакеты с соком и несколько чайников. Ближе к лестнице, рядом с кактусом Бенедиктом, освободили место для желающих музицировать и выкатили пианино.

Директор в нескольких словах поздравил школу с началом учебного года, на чём официальная часть закончилась, и началось чаепитие, во время которого музыканты разных возрастов сменяли друг друга у кактуса. Соня Белкина, старшеклассница с суровым выражением лица и легкомысленными кудряшками на голове, вывела целую банду мальчишек и дебютировала в качестве дирижёра. Пьесы звучали не самые сложные и не всегда были сыграны чисто, но азарт, с которым дети и взрослые, включая родителей, шли на сцену, заразил даже Германа. Он пожалел, что его инструмент остался дома, одолжил виолончель у Ганелиных и сорвал шквал аплодисментов.

Сам же город Новозаводск виделся Велехову местом унылым и недружелюбным. Под окнами квартиры, которую он снял в старой части города, ближе к полуночи собиралась компания на нескольких автомобилях. Из колонок лихо буцкало то, что Герман даже под страхом расстрела не взялся бы назвать музыкой. К буцканью время от времени добавлялись громкий мужской и визгливый женский голоса, с упо-

ением выяснявшие подробности личной жизни друг друга. Словарный запас обоих исчерпывался четырьмя местоимениями и тремя общенародными нецензурными существительными, но в использовании производных от них парочка демонстрировала небывалую виртуозность. Около четырёх утра, когда утомлённая ночными бдениями компания уезжала, тонко и тоскливо начинала лаять и подвывать собака.

И хотя желание Германа порасчёсывать на досуге сердечные раны вполне вязалось с городским антуражем, радостная и тёплая атмосфера музыкальной школы нравилась ему гораздо больше.

Он закрыл кабинет и понёс ключ на вахту.

– Герман Владимирович, подождите! – приняв ключ, остановила его вахтёрша Вера Борисовна. – У меня для вас – вот!

Она зашуршала пакетом и достала оттуда вязаного жирафа на лыжах, с палками в руках и полосатой шапочке с помпоном на голове.

– Вам на кабинет. Там у Пелецкой бабочка в валенках висела, но я ей сказала – забирайте, я для нового педагога ещё свяжу. У него, смотрите, шнурок на спине, чтобы вешать. Хотите, я сама повешу на дверь?

– Да, наверное, у вас лучше выйдет. Значит, это ваши звери?

– Мои. Леонид Андреевич разрешил. А мне и в радость!

Герман попрощался с вахтёршей, ещё раз кинув взгляд на

жирафа. Жираф восторженно таращил на него глаза из-под мохнатых ресниц.

Леонид

Оля позвонила и сказала, что Сёму она сегодня на занятия не приведёт, потому что, хоть он и рвётся, но горло красное, и температура небольшая есть. А вот к концу недели они постараются появиться.

Строкин занялся документами, но никак не мог сосредоточиться, перечитывал каждую бумажку по три раза, потом отложил и встал у окна, думая о том, как быстро мальчик Сёма, непростой мальчик Сёма, ершистый мальчик Сёма стал своим для него и для школы. А ведь всего-то и нужно было – спросить, как зовут его скрипку.

– Искра, – сказал мальчик и засветился вдруг, как будто и вправду искра зажглась внутри.

Его, Строкина, первую скрипку звали Танечка, не ту самую первую, с начальных уроков, а ту, с которой пришла любовь.

Он хорошо помнил субботний день незадолго до отчётного концерта. Пасмурный весенний день с первым в году дождём.

* * *

Лёнька вернулся из школы к обеду:

– Ма, я пришёл!

Мать стояла у окна. Катя, младшая мамина сестра и Лёнькина тётка, которую он звал просто Катя, работала в день.

Он протопал на кухню, подогрел и похлебал суп. Тишина давила.

Минут десять Лёнька бесцельно сидел на табуретке и вслушивался в шумы за окном, потом переключился на тиканье часов из комнаты, понаблюдал, как медленно набухает и падает капля воды из крана, и засобирался.

– Ма, я ушёл!

Он немного задержался у двери, дожидаясь, что мать откликнется. Она так и продолжала стоять у окна. Он знал, что она не обернётся, но каждый раз ждал.

На улице моросило. Ленька половчее перехватил скрипичный футляр, поднял воротник и двинулся быстрым шагом, посматривая на небо. Небо обещало тоску и слякоть. Совсем как дома, когда нет Кати.

Пройти оставалось ещё два квартала, когда дождь начал расходиться в полную силу. Лёнька прибавил шагу, почти бегом свернул с улицы в дворовую арку, пересёк двор и спустился по ступенькам к зданию барачного типа, бывшему Клубу железнодорожников, куда временно поселили Детскую музыкальную школу № 2 города Новозаводска.

– Временно! – каждый раз подчёркивал директор Валерий Сергеевич Летушкин, если учителя жаловались на протекающую крышу или маленький тёмный актовый зал, пере-

деланный из красного уголка. – Потерпите!

Лёньку печалило слово «временно», он боялся грядущих перемен, потому что здесь для него был дом в гораздо большей степени, чем их холодная квартира с молчаливым силуэтом матери у окна.

В дверях музыкальной школы его встретил устойчивый запах классической музыки.

– Здрасте, баб Валь! – гаркнул Лёнька над ухом гардеробщицы.

Баба Валя вздрогнула и рассмеялась:

– Что ж ты так орёшь-то, паразит! А чего мокрый? Там, что ли, дождь опять?

– Да, зарядил.

– Так ты давай, ботинки снимай скорей. Промочил, небось. Там вон, под вешалкой, тапочки возьми.

– Ну, баб Валь! Носки почти сухие, смотрите.

– Давай-давай. Не разговаривай. Пока тут будешь, я тебе газетки в ботинки засуну.

Лёнька побурчал для виду, но ботинки отдал.

Бабу Валю в музыкалке любили. Она досталась школе от предыдущих хозяев. Когда железнодорожники начали съезжать в ДК около вокзала, баба Валя, живущая в двух шагах от клуба, заволновалась. И место, своё, насиженное, просто так, без боя, решила не сдавать. Перехватила нового директора на крылечке, которое тщательно выметала четвёртый раз за утро, остановила веником на первой ступеньке, сама

осталась на верхней и заговорила:

– И, значит, теперь что?

– Что? – не понял директор, с опаской поглядывая на веник.

– И куда я теперь? Что ли, на вокзал? А разве я могу на вокзал с моими-то ногами? А дети что? Детей я люблю. Так что, вот вы как хотите, а я не согласна!

Произнеся эту весьма эмоциональную речь, баба Валя замолчала.

Директор какое-то время пребывал в задумчивости.

– Дети – это прекрасно, – наконец произнёс он.

– Дык, а я что говорю, – поддакнула баба Валя. – У самой пять внуков, шестой на подходе. С детьми я управлюсь, не сомневайтесь.

– Так вы хотите у нас работать, – догадался директор.

Баба Валя просветлела лицом и опустила веник:

– Ну, я же говорю.

С детьми баба Валя и вправду ладила. Они относились к ней как к существу полумифическому, сродни домовому. Перед экзаменами хорошей традицией, сулившей удачное выступление, считалось выманить бабу Валю из гардероба под любым дурацким предлогом и посидеть на её стуле. Баба Валя ворчала, но не сердилась.

Лёнька влез в тапочки и отправился бродить по школе.

В актовом зале уже началась сводная репетиция старшего хора. Скрипачи на хор ходили по желанию, и Лёнька за-

глянул просто так, поздороваться. Он дождался, пока хор закончит выводить «Ой ты, ноче-е-е-енька…», просочился в дверь и уселся на любимое место у задней стены актового зала между гипсовым бюстом Ленина, забытым железнодорожниками, и окном, где как раз помещалась секция из четырёх сидений, закреплённых на одной рамке.

Долго сидеть в зале Лёнька не собирался. Пока хор начал перелистывать нотные тетради, чтобы перейти к исполнению песни Дунаевского, он помахал девчонкам-одноклассницам, выскочил за дверь и налетел на директора.

– Здрасте, Валерий Сергеевич.

– Здравствуйте, Леонид! Зайдите ко мне, пожалуйста, вы мне нужны!

Валерий Сергеевич обращался на вы даже к самым младшим ученикам, но у Лёньки всякий раз теплело в груди, когда он слышал такое обращение к нему самому.

Они прошли по коридору к кабинету директора, бывшему для Лёньки ещё и учебным классом. В кабинете пахло табаком, Валерий Сергеевич нещадно курил между занятиями. Этот запах погружал Лёньку в мужской мир и напоминал об отце, которого он начал уже забывать.

– Леонид, я считаю, что вам пора поменять скрипку. Вы взрослеете, инструмент становится мал для вас. Давайте посмотрим, что мы можем сделать. Достаньте-ка аккуратно вот те футляры на средней полке.

Валерий Сергеевич махнул рукой в сторону кладовки.

Кладовка представлялась Лёньке местом волшебным. В ней, помимо железной стойки для верхней одежды, помещался металлический, выкрашенный голубой краской стеллаж с сокровищами: несколько футляров с инструментами, жестяная коробочка из-под чая с кусочками канифоли, две картонные коробки со сломанными смычками, колками, старыми струнами и прочим совершенно необходимым имуществом, а также деревянный ящик с молотками, отвёртками, гаечными ключами, плоскогубцами и набором гвоздиков, шурупов и гаек.

Справа, ближе к выходу, в отгороженной фанеркой части стеллажа лежали ноты. Сборники и отдельные листочки, переписанные от руки. Среди них – несколько ещё дореволюционных нотных изданий в плотных обложках, на которые Лёнька поглядывал с неизменным интересом, но попросить посмотреть не решался.

Из трёх скрипок, что он снял со стеллажа, ему приглянулась самая светлая.

– А-а, Танечка, – одобрил его выбор Валерий Сергеевич, – я так и думал.

– Почему Танечка?

– Так зовут эту скрипку. По-моему, очень подходящее имя.

Лёнька пожал плечами: ну, Танечка так Танечка. Валерий Сергеевич иногда высказывался весьма туманно, выдавая одному ему понятные вещи как нечто само собой разу-

меющееся.

– Берегите её, она честная и нежная девочка. И я очень рад, что Танечку выбрали именно вы, Леонид. Вы, как мне кажется, способны на большую любовь.

Лёнька растерялся от неожиданных слов директора, не понимая, как реагировать, опустил глаза и пробормотал:

– Спасибо.

– Да, – продолжил Валерий Сергеевич уже совсем другим тоном, – есть у меня давняя мечта – скрипичный ансамбль. Я знаю, что вы бываете в школе по воскресеньям. Если завтра вы не заняты, приходите к десяти утра в актовый зал. Договорились?

В субботу, особенно ближе к вечеру, музыкалка пустела. Задерживались лишь те, кто по какой-то причине не мог много играть дома. Лёнька заходил в любую свободную комнату и занимался часами, пока баба Валя не начинала свой обход помещений перед закрытием.

Обычно Лёнька выбирал кабинет музлитературы. Свободного пространства там было не очень много из-за пианино и парт, зато на стене висела целая галерея портретов русских и зарубежных композиторов, выполненных чёрной тушью. Их перерисовал из учебников сын учительницы Анны Гавриловны, о чём она непременно сообщала каждой группе не реже трёх раз за четверть. Портреты, несомненно, несли сходство с оригиналами в учебнике, но с лёгкой руки самодеятельного художника приобрели и дополнительные черты, де-

лавшие их более живыми и близкими Лёньке: Бах смотрел с прищуром и будто подначивал на безумства во имя музыки, Моцарт выглядел больным и усталым, как после итоговой контрольной, Мусоргский напоминал мужа соседки снизу, целыми днями сидящего в обувной мастерской около «Гастронома».

Лёнька чуть сдвинул учительский стол, чтобы освободить себе побольше пространства, достал из футляра смычок и неторопливо прошёлся по нему канифолью. Потом аккуратно вытащил скрипку.

– Знакомьтесь, это Танечка, – сообщил он портретам. Портреты церемонно кивнули. Они не удивились, что у скрипки есть имя. В отличие от Лёньки, который предыдущую скрипку, тоже полученную из рук Валерия Сергеевича, никак не называл.

Лёнька начал с простых упражнений, чтобы приноровиться к новой длине грифа и смычка, попутно размышляя над словами директора о своей способности к большой любви и о любви вообще.

Вот мама любила папу. Папа любил маму. Они любили его, Лёньку. А Лёнька любил их. По воскресеньям они ходили в парк. Мама в выходном белом платье в голубую полоску, а папа в светлой рубашке с закатанными рукавами. Папа покупал Лёньке два мороженых и от одного чуть откусывал сам, а иногда кормил маму, а мама махала руками и смеялась. И Лёнька смеялся, глядя на них. А потом папа… слож-

но говорить такое слово, понимаешь, Танечка? Но это же не значит, что ничего не было. А мама ведёт себя так, будто бы не было, стоит у окна и молчит. Но ведь Лёнька продолжает любить и папу, и маму. Только не знает, как сделать, чтобы она услышала. Но если он сыграет ей на скрипке, на концерте… Он специально приходит заниматься в музыкалку каждый день, чтобы не играть дома и сделать маме подарок. Валерий Сергеевич говорит, что музыкой можно сказать даже то, что не можешь произнести словами.

«Понимаешь?» – спрашивал Лёнька.

«Понимаю», – отвечала скрипка.

«Как думаешь, получится? Я очень хочу, чтобы получилось».

«Получится. Я тебе помогу».

Лёнька играл короткую пьесу для концерта бессчётное количество раз: заканчивал и тут же начинал заново, не замечая опустившегося на город синего весеннего вечера и замершей у дверей бабы Вали. Он будто выговаривался за многие месяцы, впервые ощутив, как рождается под пальцами музыка, нежная и светлая.

Став взрослым, Строкин любил момент, когда кто-то из его учеников, пройдя через зажатые пальцы, первые робкие и корявые звуки, усталость тела от следования правилам постановки рук и ощущение, что ты ни на что не годишься, вдруг обретал голос.

– Толик заиграл, – ликуя и немного стесняясь своего ли-

кования, сообщал он жене.

– Ты говоришь так, словно тебя это каждый раз удивляет, – сказала однажды Женечка.

– Да, удивляет. Не то, что он заиграл. А то, что до сегодняшнего дня он делал всё, как я просил, не будучи уверенным в результате. Издавал на инструменте странные звуки, выполнял упражнения. Он не мог знать наверняка, получится ли музыка. То есть до сих пор он работал потому, что полностью мне доверял.

А тогда, в тот далёкий весенний вечер, Лёнька просто радовался, что такая чудесная скрипка по имени Танечка попала ему в руки как раз накануне концерта, и играл, играл, играл.

Женя

По понедельникам и пятницам к концу занятий подтягивались родители, и школа ещё примерно на час оставалась погружённой в неторопливые звуки домашнего музицирования.

Домашнее, или семейное, музицирование Лёнечка придумал девять лет назад, когда Женя только приехала в Новозаводск. Однажды она спустилась в холл поговорить с мамой Димы Коваленко. Директор, проходя мимо, тоже включился в разговор. Он часто тогда неожиданно оказывался рядом с Женей, как бы оберегая от всего нехорошего, что может произойти с ней в его школе: от нападок завуча Шаровой

или какого-то недовольства родителей молодым педагогом. В этот раз он переживал напрасно. Женя ученика хвалила, а мама смущённо улыбалась:

– Спасибо, Евгения Александровна, мы стараемся! Ждать вот устаю. Пока Димка занимается, я бы и сама что-нибудь поиграла. Я ведь тоже музыкалку закончила, по классу фортепиано. Немного помню.

– Так пройдите в актовый зал, поиграйте, пока ждёте, – предложил директор.

– А можно? – обрадовалась мама.

Леонид Андреевич кивнул. Они попрощались с мамой Димы и стали подниматься в Женин кабинет. Женя почему-то была уверена, что у директора не столько дела на втором этаже, сколько он просто провожает её. Но на середине лестницы Строкин вдруг остановился:

– А ведь хорошая идея, Евгения Александровна, как вы считаете? – спросил он и, не дожидаясь ответа, деликатно подхватил Женю под локоть, увлекая за собой. Они снова спустились в холл.

– Товарищи родители, может быть, кто-то из вас хочет поиграть на музыкальных инструментах? – громко обратился ко всем присутствующим Строкин.

Сидящие в холле люди посмотрели на него с недоумением, некоторые покачали головой, а чей-то папа пробасил:

– Да я бы поиграл, только не умею.

– А если мы научим? У нас тут школа.

Тогда Женя впервые стала свидетелем того, как рождаются и обретают жизнь идеи директора.

Поначалу желающих было немного: две мамы, одна бабушка и активный папа. Папа водил на скрипку сына Артёма, но сам бы хотел освоить контрабас. Одна мама сказала, что всю жизнь мечтала играть на флейте, поэтому отдала на музыку дочь Лизу. Бабушка Кости когда-то в детстве брала уроки фортепиано. Ну а мама Димы загорелась учиться играть на скрипке.

Леонид Андреевич поговорил с педагогами. Активного папу взял на себя мультиинструменталист Потёмкин, Слава Антипов выделил маме Лизы блок-флейту, за бабушку отвечала Пелецкая, а мама Димы, понятное дело, досталась Жене. Занятия шли по вечерам один раз в неделю, по полчаса. Остальное время родители могли практиковаться самостоятельно, пока ожидали детей. Для самостоятельной работы отвели актовый зал и «НеобыЧайную».

Дело шло туго: взрослые стеснялись своих негнущихся пальцев и плохой памяти, переживали, что над ними будут смеяться собственные дети и внуки, несколько раз пытались бросить из-за того, что не могут регулярно заниматься, – работа, проблемы, болезни, домашние дела.

– Нам, наверное, уже поздно начинать, – говорили они, когда директор заглядывал узнать, как дела.

– Никогда не поздно! – не уставал повторять он. – Посмотрите на себя, вы же в гораздо лучшем положении, чем ваши

дети и внуки. Вам не надо торопиться изучать программу, не надо готовиться к экзаменам. Вы можете просто получать удовольствие от извлечения звуков!

«Дикий эксперимент» Строкина, как говорила тогдашняя завуч Шарова, продолжался. Сам Леонид Андреевич не называл обучение родителей экспериментом. Поначалу у занятий и названия-то не было. В конце января он позвал в кабинет Диму, Лизу, Костю и Артёма и предложил им поддержать родных: сыграть к Восьмому марта совместный небольшой концерт прямо в холле перед остальными родителями и детьми. Ответственной за проведение «Вечера домашнего музицирования» директор назначил Женю. Кажется, она не волновалась так… да никогда она так не волновалась.

Сначала взрослые отказались наотрез:

– Мы же ещё не умеем, чего позориться-то.

Потом рьяно включились в работу, взяв с Жени клятву, что она не выпустит их на сцену, если почувствует, что всё плохо. Педагоги помогли подобрать небольшие простенькие пьески, чтобы получились семейные дуэты, да и сами изъявили желание поучаствовать. Пелецкая, например, сказала, что давно собиралась поиграть что-нибудь вместе со своими собственными детьми, да как-то откладывала. А аккомпаниатор Маргарита Генриховна с внуком, флейтистом Славой Антиповым, даже пришли к Жене в кабинет, требуя включить их в программу, потому что уж их-то семейному дуэту чуть ли не двадцать лет. Для репетиций использовали любое

свободное время, включая выходные.

За неделю до концерта начинающие музыканты дружно фальшивили, сбивались с ритма и забывали ноты. В воздухе актового зала, куда участники концерта собрались на репетицию, висело напряжённое отчаяние.

– Как у вас дела? – заглянул в зал Строкин. – А чего вы такие расстроенные?

– Да вот не получается у нас! Пустая затея! – высказал вслух общую мысль папа Артёма. А Женя горестно кивнула, соглашаясь с его словами. Ей страшно не хотелось подводить директора, но выпускать на сцену музыкантов, которые играют так, как сегодня, нельзя ни в коем случае.

– Может, отменим концерт, – робко предложила бабушка Кости.

– А вы как думаете? – спросил Леонид Андреевич у детей.

– Я хочу сыграть с мамой, – сказал Дима. – Мы столько репетировали! Мам, ну ты чего?

– Мы хотим концерт, – согласились с ним остальные дети.

– Друзья мои взрослые, – выслушав их, сказал директор. – Знаете, что нужно делать, когда вы учитесь играть на музыкальных инструментах?

– Больше играть нужно, – вздохнул папа Артёма, – это-то понятно. Только когда?

– Есть одно волшебное средство, – Леонид Андреевич сделал паузу, обвёл взглядом притихший зал и улыбнулся Жене. – Иногда нужно отложить инструменты и отдохнуть.

На улице такой снег пошёл, пока вы тут репетировали! В нашем городе чистый снег пропускать нельзя! Всем срочно гулять! И вам, Евгения Александровна, тоже. Это приказ. А когда соберётесь в следующий раз – у вас обязательно получится!

Снег и в самом деле оказался волшебным: с неба сыпались огромные пушистые хлопья, и город, постепенно укрываясь белым, становился уютным и своим. Женя неторопливо шла домой. Именно тогда, под снегом, она решила, что если Леонид Андреевич… словом, она не против стать для него не просто сотрудником, а чем-то большим. Если она не ошибается, что директор к ней неравнодушен. А она не ошибается.

Концерт через неделю прошёл успешно. Родители и дети отлично справились и заслужили бурные аплодисменты. Женя на радостях даже обняла Строкина, чем смутила его не меньше себя самой. Участники остались пить чай с тортом, испечённым Пелецкой специально по такому случаю.

А в холле ещё какое-то время слышалось:

– А всем родителям можно записаться?

– Мама, ты же хотела научиться. Давай ты тоже заниматься будешь!

– Папа, я тебя научу!

Так постепенно сложилась традиция. Педагоги встречались со взрослыми учениками раз в неделю. Дети с некоторой долей превосходства, но по-доброму, включились в процесс консультирования обучающихся родителей. В «Необы-

Чайной» завели стеллаж со сборниками несложных нот, для занятий разрешили пользоваться кабинетами, в которых уже кончились уроки, а примерно раз в месяц продолжили устраивать вечера домашнего музицирования в холле.

В пятницу Женя обошла всю школу, составляя программу сентябрьского концерта. У кабинета теоретических дисциплин её поймал Велехов.

– Евгения Александровна, хотел узнать: нужно ли мне дежурить в выходные?

– Нет, Герман Владимирович, в эти выходные мы идём слушать Баха под звёздами.

Ольга

– Бабушка, я тоже хочу слушать Баха под звёздами! Ну, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста! Мы ведь пойдём? – Сёма стащил с себя кроссовки, не развязывая шнурков, и теперь скакал возле Ольги и Строкина по прихожей в одних носках с рисунком собачьих лап. – Леонид Андреевич сказал, что можно, если ты пойдёшь с нами. Ты же пойдёшь, да?

Ольге с утра нездоровилось: подскочило давление, голова пульсировала болью. Сил хватило только на то, чтобы встретить внука из школы. Сёма в молчаливом отчаянии съел суп и приготовился плакать в своей комнате от жалости к бабушке, лежащей на кровати с закрытыми глазами, и к себе, потому что пропускал специальность. Жалость к себе была сильнее. А это неправильно. Но ведь с бабушкой ничего страш-

ного не должно случиться!

Мучимый раскаянием Сёма пришёл в комнату Ольги, сел в ногах на кровать и тяжело вздохнул.

– Сегодня специальность? – через силу заговорила бабушка. – Надо позвонить Лёне, что мы не придём. Возьмёшь задание и дома позанимаешься, хорошо? Ну, не вздыхай, не вздыхай!

Строкин отозвался сразу и предложил:

– Так давай я его заберу. Как раз из администрации мимо вас поеду. Только привезти назад смогу поздно, после восьми. Если, конечно, Семён Михайлович не против пробыть в школе до конца дня.

Семён Михайлович был не против.

К вечеру Ольге полегчало. Она поднялась, приготовила ужин. А в половине девятого Сёма ворвался в квартиру, одержимый мыслью о новом невероятном приключении.

– Сёма, не скачи, пожалуйста! Лёня, о чём он говорит?

– Олечка, как здоровье? – спросил Строкин.

Сёма, услышав вопрос, перестал скакать, посмотрел виновато, прислонился к Ольге и затих.

– Ничего, получше, – Ольга потрепала Сёму по затылку, без слов давая понять внуку, что не обижается. – Так что там у вас с Бахом?

Ещё одна любимая традиция музыкальной школы № 2 заключалась в следующем. В субботний вечер в конце сентября, пока ночи не слишком холодные, ученики выпускного

класса и некоторые старшеклассники по желанию вместе с педагогами и родителями собирались в школе, брали с собой спальники и карематы и отправлялись в степь, которая начиналась сразу за последними домами около остановки «3-я Степная».

Шли пешком километра два с половиной-три, потом разбивали лагерь. Разбивали – громко сказано. Просто бросали на землю коврики, разворачивали спальники, садились в круг. Раньше разводили костёр, кипятили в котелке воду на чай, жарили над огнём сосиски и хлеб на палочках. А в последние годы, когда степь стала гореть с завидным постоянством каждое лето, начали готовить чай на газовой горелке и брать с собой бутерброды. Газовую горелку доставал из потёртого рыбацкого рюкзака скрипач Потёмкин по прозвищу Броненосец. Собственно, и обустраивать-то в лагере больше было нечего.

За чаем и бутербродами поджидали ночь. Настоящую сентябрьскую ночь в степи, когда городские огни так далеко, что звёздное небо обступает куполом.

– Сёма, но ведь ты сам сказал, что традиция для больших, для выпускников, – засомневалась тогда в прихожей Ольга.

– А вдруг мама меня заберёт раньше, и у меня этого уже никогда не будет? – спросил Сёма.

Эти слова внука всё решили.

Оглядываясь назад, Ольга не без сожаления понимала, что её собственная судьба сложилась не слишком удачно. Не

то чтобы значительно хуже других, но как будто без толку. Родной цех закрыли в связи с нерентабельностью, а она проработала там всю жизнь. С мужем давно разъехалась. Дочери недодала чего-то важного, коли та мечется между городами да мужиками.

Одиночество Ольгу не тяготило. Скорее, пугало всё больше и больше охватывающее безразличие. Не хотелось двигаться, разговаривать, готовить еду. Телевизор утомлял, книги перестали занимать. Ольга стала ловить себя на том, что подолгу сидит или стоит на одном месте, не шевелясь и ни о чём не думая.

Появление Сёмы год назад вернуло её к жизни. Внука нужно было провожать и встречать из школы, кормить, одевать, развивать, устраивать в музыкалку. Появились расписание и куча неотложных дел. Ольга вдруг вспомнила, как раньше любила готовить, снова завела блокнот с рецептами и стала смотреть по телевизору кулинарные шоу. Она хорошо понимала, что жизнь, бурлившая вокруг Сёмы, закончится, как только дочь решит забрать сына в Москву. А пока училась радоваться каждому дню. Бах под звёздами! Надо же! Выдумщик какой Лёнечка!

Перед тем как в дело вступил Бах, все легли на карематы лицом в небо и укрылись спальниками. Строкин достал и установил колонку, Евгения Александровна обошла лагерь, проверяя, плотно ли дети закутались. Шагнула и к Сёме с Ольгой и, увидев, что они готовы, улыбнулась. Улыбнулась

хорошо, ласково, очень похоже на Лёню. Ольга непроизвольно улыбнулась в ответ, хотя относилась к Евгении Александровне настороженно и недоверчиво: слишком уж молода, слишком красива. Живёт в глуши с пожилым мужем (а Ольга вполне отдавала себе отчёт в их с Лёней возрасте и месте проживания) и притом сама кротость и дружелюбие. Ох, не обидела бы эта раскрасавица, ровесница её дочери, старого друга Лёнечку! Но, наблюдая сегодня за ними, видя, как Строкины встречаются взглядами, как обмениваются мимолётными прикосновениями, Ольга вдруг успокоилась и даже немного позавидовала им. Вот есть же на свете настоящая любовь. Пусть у других, но есть.

…Орган стоял посреди степи в сухой пожелтевшей траве. Трубы его поднимались в небо и уходили к звёздам. Смутно белели ряды клавиш. Немолодой мужчина в парике вскинул руки, и орган ожил…

Ольга вглядывалась в Млечный Путь, наполнялась звуками и с трудом сдерживала рыдания, чтобы не напугать лежащего рядом Сёму.

Почему она решила, что её жизнь уже закончилась?

Она видит звёзды. Почему она забыла, что они существуют?

Она слышит музыку. Прекрасна ли музыка? Она не знает. Но эта музыка и есть жизнь, проходящая, как кровь через весь организм. И если бы не Сёма, она бы продолжала жить без музыки. Да и жить ли?

Слёзы всё-таки полились.

Она вдруг вспомнила ощущение детства, когда музыка пронизывает тело, делая его одним из инструментов слаженного оркестра. Впервые это чувство возникло в ней на репетиции хора, кажется, в третьем классе музыкальной школы. Когда спящее до сей поры, нечуткое ухо неожиданно проснулось, и она услышала свой голос, поющий партию в ряду других голосов. Чуть гундосили альты, звенели первые сопрано. Вливаясь в хор, партия вторых сопрано, которая по отдельности казалась Ольге невыразительной и некрасивой при разучивании, в обрамлении других голосов наполнилась теперь гармонией и смыслом. А в зале, рядом с бюстом Ленина, примостился на сиденье одноклассник Лёнька, который не то чтобы нравился, но наполнял дни неясным трепетом.

И она однажды забыла об этом, а вот теперь вспомнила. Забыла, а теперь вспомнила про множество больших и маленьких, но очень важных вещей: запахи, звуки, картинки, лица, радость и боль – всё, что питало и вплеталось в её собственную музыку судьбы, что помогало двигаться дальше, что говорило: «Ты жива!» А рядом чуть слышно перевёл дыхание Сёма, маленький строптивый мальчик восьми лет от роду, влюблённый в скрипку. Внук.

Когда улетели в небо и растворились в звёздах последние звуки органа, наступила потрясённая тишина. Ольге казалось, что лагерь слышит, как счастливо колотится её сердце,

и не могла произнести ни слова. В таком же заворожённом молчании пребывали и остальные. Даже время прекратило движение.

– Бабушка, мне кто-то сел на нос! Кузнечик?! – раздался вдруг напряжённый, отчаянный шёпот Сёмы. При огромной любви к животным и растениям Сёма до неприличного девчачьего визга и полуобморока боялся кузнечиков.

– Нет, Сёма, это травинка!

Ольга быстро выпростала из спальника руку, провела по лицу внука и рассмеялась.

Тут уже засмеялись и зашевелились все. Начали выбираться из спальников и сворачивать лагерь. Ночевать им предстояло в музыкальной школе, до которой нужно было ещё дойти.

По дороге говорили о каких-то незначительных вещах. Мальчишки устроили игру в догонялки с фонариками вокруг белокурой Сони, так что директору пришлось даже сказать что-то о нежелании ездить с ними в травмпункт.

Ольга с Сёмой шли молча. Она втайне радовалась, что внук, обычно шумный и разговорчивый, притих, шагая рядом. Ей хотелось спокойно и обстоятельно обдумать пережитое нынешней ночью. Да и усталость брала своё. Кто-то подхватил и мягко забрал из рук свёрнутые в трубу карематы со спальниками. Ольга оглянулась и с благодарностью кивнула неслышно подошедшему сзади Герману Владимировичу, учителю Сёмы по сольфеджио.

Герман

Городской парк – большое и пока ещё голое пространство – долгое время, с середины девяностых, стоял заброшенным. Зарастал кленовыми побегами, мрачнел, приобретал славу местной страшилки для детей и молодых мам, которым в зарослях мерещились маньяки. Не пропадала лишь тропа, проложенная через центральную аллею с фонтаном и тополиную рощу отважными рыбаками и несгибаемыми пенсионерами, пробиравшимися к берегу Урала и одиноко раскинутым по нему садовым участкам.

Два года назад парком занялось градообразующее предприятие. Территорию основательно расчистили, убрав начинающие валиться от старости тополя. По центру летом уже зеленел огромный газон, справа появились спортивные снаряды, а слева – детская площадка. Дело оставалось за деревьями. Саженцы приживались плохо, желтели и засыхали под летним безжалостным солнцем, что вызывало ядовитые высказывания жителей на городских сайтах. Однако на очередной призыв посадить в парке дерево желающих оказывалось в разы меньше, чем критиков.

Герман копал ямку под саженец и улыбался: «Кажется, я пускаю корни в этой земле!» Он посадил уже два канадских клёна, сирень и ещё какое-то не опознанное им тоненькое деревце-прутик. Теперь очередь была за ясенем. Рядом, тяжело дыша, трудился Строкин. К нему подошла Евгения Алек-

сандровна, принесла бутылку с водой и упаковку одноразовых стаканчиков. Леонид Андреевич отпил половину стакана, сполоснул красное потное лицо и шумно вздохнул, опершись на лопату. Герман видел, что ему тяжело. Но как только Евгения Александровна бросила на мужа тревожный взгляд, Строкин улыбнулся и снова принялся за дело.

– Герман Владимирович, воды хотите? – спросила Евгения Александровна.

– Спасибо, чуть позже. Хочу сначала закончить.

Она кивнула и отошла. Ему нравилась её ненавязчивая манера помогать. Ирина бы в такой ситуации настояла, чтобы он выпил воду немедленно, потому что она так посчитала нужным. Ну вот, опять он об Ирине.

Прибежали старшеклассники:

– Леонид Андреевич, мы – всё!

– Мойте руки и расчехляйтесь.

Они закончили с саженцами и тут же, недалеко от сложенных лопат с остатками земли на лезвиях, поставили пюпитры, раскладные походные стульчики и исполнили несколько пьес в семь скрипок, четыре альта и три виолончели.

И снова Герман поразился тому, с каким азартом играют и дети, и взрослые. Да и сами знакомые с детства пьесы зазвучали по-иному в огромном пустом пространстве осеннего парка. Звуки разносились далеко и терялись где-то у спуска к озеру. Полтора десятка добровольцев, вышедших в парк, и четыре десятка саженцев, притихших в лунках, внимали

Баху и Генделю.

Очень странная у него происходила жизнь в последний месяц. Жизнь, наполненная событиями и радостью. Герман с удивлением обнаружил, что заканчивается сентябрь. Ежедневник пестрел отметками: дежурство, Бах под звёздами, «Детская филармония», сегодняшний субботник с концертом.

По утрам он ехал в школу заниматься. Играть ежедневно по несколько часов в съёмной квартире оказалось невозможным: за стеной жила нервная женщина с двумя детьми. Пришлось увезти инструмент на работу. Поначалу Герман опасался оставлять виолончель в школе, но и носить туда-сюда не хотелось, тем более что очень скоро он прибился к чудесной компании, совершающей пешие прогулки по вечерам.

Они выходили из музыкальной школы гурьбой: старшеклассники, Строкин, Евгения Александровна и Герман. Иногда, в хорошую погоду, к ним присоединялись Сёма с бабушкой. Тогда компания несколько меняла траекторию движения и сначала провожала их к трамвайной остановке, а потом уже возвращалась к привычному маршруту, проходившему по трём районам нового города. Дорога занимала минут сорок. Тему для разговора обычно задавал Леонид Андреевич или Соня Белкина, которая верховодила бандой мальчишек. Обсуждали школу, кино, взаимоотношения с родителями и первые влюблённости. Говорили откровенно, много смеялись. Герман не уставал удивляться, насколь-

ко открыты дети перед директором, и поначалу чувствовал себя неуютно, как будто вторгся в чьё-то очень личное пространство. Но, кажется, никого не смущало его присутствие, он успокоился и начал принимать участие в разговорах.

Самые стойкие доходили до развилки трамвайных путей, рядом с которой недавно открыли «Пирожковую». У «Пирожковой» прощались. Иногда перед прощанием вваливались в магазин весёлой толпой и сметали с полок оставшуюся к концу дня выпечку со скидкой. Герман не числил себя фанатом изделий из теста, но провинциальная страсть к пирогам казалась ему чрезвычайно милой.

После «Пирожковой» шли уже втроём. Строкины жили в «сталинке» рядом со стадионом и парком. А Герман снимал квартиру на соседней улице.

– Женечка придумала иногда выгуливать меня по вечерам, – сказал Леонид Андреевич в первую их совместную прогулку.

– А что, прекрасная идея! – согласился Герман.

Ему и в самом деле нравилось работать в школе, участвовать в мероприятиях и концертах, ходить по вечернему городу со Строкиными и детьми. Его приняли сразу и безоговорочно, несмотря на сомнительную для провинции репутацию человека из Москвы. Ему наконец-то не нужно было ничего доказывать окружающим и «пробиваться». И даже осенний Новозаводск с золотыми вкраплениями ясеней и высоким голубым небом в солнечную безветренную погоду

уже не казался мрачным местом.

Сердце Германа постепенно погружалось в покой. И только в уголке, где таилось одно редко произносимое вслух имя, ещё саднило.

Глава 3. Октябрь 2017 года

Шарова

– По две заявки в каждой возрастной категории. И не тяните! Леонид Андреевич, возражения не принимаются. Школа обязана участвовать в региональном конкурсе!

– Да знаю я ваши конкурсы – нервотрёпка одна! Никакой радости!

– А при чём здесь радость?

– Как при чём? Детям нравится играть на инструментах, а не доказывать друг другу, кто круче!

– Ой, оставьте уже, Леонид Андреевич, слышали мы ваши теории, и не один раз! Конкурентная среда вокруг. А вы там у себя развели оранжерею! Ваши ученики должны выйти в жизнь, умея драться за место под солнцем!

– А если они не хотят драться? Солнце большое, на всех хватает.

Они переругивались без особого азарта, потому что спор продолжался много лет.

Бывшая завуч Детской музыкальной школы № 2, а теперь начальник Управления культуры Новозаводска Лилия Викентьевна Шарова смотрела на Строкина со смешанным чувством высокомерия, злости и жалости. Эта холёная пятидесятилетняя женщина с тонким хищным лицом претендовала когда-то на место директора ДМШ № 2, но тогдашний на-

чальник Управления культуры Пётр Петрович Яковлев откопал непонятно откуда бывшего одноклассника Строкина. Лилия Викентьевна, в ту пору интересная особа за тридцать, разведённая, с ребёнком на руках, смирила гордыню и решила присмотреться к новому директору. Агентурная разведка в лице кадровички донесла: приехал из Москвы на время, чтобы ухаживать за умирающей тёткой, жена и взрослый сын остались в столице.

Строкин явился в ДМШ № 2, высокий, тогда ещё вполне стройный, с ласковым щенячьим взглядом, на который она купилась в первую встречу и который так раздражал теперь. Явился и тут же начал наводить свои сомнительные порядки.

– Дети не должны бояться музыкальной школы! – сказал он педагогам на первом педсовете. – Музыка – это радость!

– Музыка – это работа и дисциплина! – возразила ему Шарова. – А на радостях они окончательно заниматься перестанут!

Но Строкин пропустил слова завуча мимо ушей и отменил обязательные экзамены перед комиссией. Вернее, заменил их на концерты.

– Детям приятнее играть для зрителей, для родителей и друзей, которые их поддержат. А уж баллы поставить не так сложно.

– Концертная практика – это весело! – сказал новый директор, и теперь ученики ДМШ № 2 каждую неделю где-нибудь да выступали: библиотеки, школы, больницы.

Многие педагоги с удовольствием включились в концертную карусель.

– Учебная программа не выполняется с вашими бесконечными выступлениями! – возмущалась Шарова в кабинете Строкина.

– А вы, Лилия Викентьевна, что любите играть в свободное время? – неожиданно спросил директор.

– У меня нет свободного времени! Я работаю и одна воспитываю дочь! – вспыхнула Шарова.

Он никого не слушал и воротил, что хотел, заручившись поддержкой сверху своего толстого приятеля Яковлева. Но больше всего раздражало Шарову то, что Строкин, будучи, как она говорила, «виртуально женат», ни разу не бросил на неё заинтересованного мужского взгляда.

Да и чёрт бы с ним, не свет клином, в конце концов! Но тут он принял на работу молоденькую скрипачку. И уж такие кренделя перед ней стал выписывать, что совестно смотреть. Девчонку, конечно, приходилось ставить на место. Но старый дурак, чуть тронь, бросался на защиту. И потом и вовсе женился на ней, быстренько дав отставку своей московской жене. А во что превратил музыкальную школу, сказать смешно. Цирк и богадельня в одном флаконе!

Вот и теперь ни одно высказывание Шаровой не оставалось без возражений. И остальные подчинённые, она чувствовала, в душе принимали его сторону.

Наивный и глупый старик! Уже старик.

– И, кстати, – Шарова специально придержала новость к концу совещания, – ещё одно объявление. На будущее, так сказать. Финансирование нам урезают, в стране кризис, вы знаете, поэтому некоторые наши учреждения подлежат оптимизации: пока, предварительно, разговор идёт о библиотеке Западного района и ДМШ № 2. Готовьтесь, коллеги. Я понимаю, что новости не очень приятные. Но, с другой стороны, вот вам, Леонид Андреевич, например, если я не ошибаюсь, в следующем году будет шестьдесят. Видите, как удачно складывается: доработаете учебный год, сдадите дела – и со спокойной душой на пенсию.

Вот так-то, любезный!

– А как же мои дети? А педагоги? – вскинулся Строкин.

– Что вы так переживаете? В городе есть первая музыкальная школа. А ваше здание, во-первых, требует ремонта, а, во-вторых, сейчас разрабатывается план по размещению там Центра молодёжной культуры. Большое количество молодёжи в нашем городе интересуется уличными танцами, рэпом и другим… Ну, чем они там увлекаются? Мы уже предварительно согласовали с Управлением молодёжной политики. Предоставим ребятам помещение. Город хочет идти в ногу со временем! Или вы имеете что-то против молодёжной культуры?

Леонид

– Вот и не нужны мы стали больше, – сказала ему после

совещания библиотекарь Западного района Вероника Павловна Пескова, цепляя берет на седые кудряшки. – Да-а. Что творится?

– Подождите, может, ещё обойдётся.

– Да не обойдётся, Леонид Андреевич, чего уж! Не нужны!

Они горестно кивнули друг другу и вышли из здания администрации.

– Лёнька, ты не представляешь, как ты мне нужен! – сказал тогда, шестнадцать лет назад, толстый Петька Яковлев.

Они встретились случайно, во дворе, столкнулись у первого подъезда. Строкин только приехал, охнул, увидев, как похудела тётка за год, что они не виделись, засуетился, чувствуя подступающие слёзы, и сбежал в магазин, якобы за продуктами. На самом деле выбежал из дома, чтобы перевести дух. От его Кати осталась одна тень. Черты некрасивого, но милого в молодости лица заострились, и оно потеряло всякую миловидность, оставив на поверхности уродливую маску болезни. Но Катя ещё оставалась его Катей.

– Что, москвич, помешала я твоей счастливой столичной жизни? – она лежала на диване и дышала с трудом, но глаза смотрели весело.

– Ты меня спасла. Опять, – сказал он тогда.

В Москве Строкин не прижился.

Жена Лариса и сын Вадик как-то быстро обросли знакомыми и связями, зацепились на Савёловском рынке. Пост-

перестроечная история с семейным бизнесом ещё в Шадрине вызывала у Строкина ощущение дурного сна, а после переезда в Москву он и вовсе перестал что-либо чувствовать, кроме тоски, собственной бестолковой ненужности и унизительной жалости со стороны жены и сына. Стоя за прилавком в окружении безголовых манекенов, украшенных кружевами турецкого нижнего белья, он спасался тем, что представлял выражение лица старого друга Густава, если бы тот каким-то чудом появился возле их павильона и увидел бы, к примеру, комплект цвета обморочной варёной креветки.

Когда позвонила Катя, Строкин сорвался в Новозаводск в тревоге за неё, но при этом испытал и невероятное облегчение. Лариса и Вадик, кажется, тоже вздохнули свободнее.

Петьку Яковлева он не видел с выпускного и страшно обрадовался ему, несмотря на ситуацию с тёткой. Они минут сорок протоптались у подъезда, коротко пересказывая друг другу события последних двадцати пяти лет жизни, и договорились встретиться завтра у Петьки на работе. Тут-то и выяснилось, что толстый Яковлев теперь заведует городским Управлением культуры.

– Как-то тухленько там стало, – высказался он на следующий день Строкину про школу, – не хватает чего-то… – он пощёлкал в воздухе пальцами. – А может, дети сейчас другие пошли, а? Мои красавицы обе закончили фортепиано в первой школе с таким скрипом! И больше к инструменту не подходят. Продавать думаю. А помнишь, как мы в музыкал-

ку бежали? И чего им надо? И здание новое, не наш барак, и инструменты. Только играй!

Яковлев разглагольствовал ещё минут пятнадцать, размахивал руками и вытирал платком потный лоб и щёки, но Строкин его почти не слушал. Главное он услышал и понял ещё вчера: он нужен здесь, в Новозаводске. Нужен Кате, нужен бывшему однокласснику Петьке, нужен любимой музыкальной школе № 2, у которой теперь новое здание где-то на краю города.

Лилия Викентьевна Шарова была единственным человеком, с которым Строкин так и не смог найти общий язык за годы работы, и каждый раз, идя на совещание в администрацию, не ждал ничего хорошего. Он даже уговорил себя не обращать внимания на резкости с её стороны, ну уж такой она человек. Но сегодняшнее сообщение!

Строкин подъехал к школе, побыл ещё немного в машине, чувствуя, как прихватывает сердце.

В холле сидели две мамы первоклассников и Оля, бабушка Сёмы. Сам Семён Михайлович стоял возле кактуса Бенедикта и тихонько разговаривал о чём-то с вахтёршей Верой Борисовной.

Строкин поздоровался с Ольгой, сунул ей в руки ключ от своего кабинета, прошёл мимо Сёмы, легко коснувшись рукой его растрёпанной макушки, поднялся на второй этаж и остановился у двери Женечки. Играл кто-то из малышей. Звуки выходили резкие и неритмичные. Потом Женечка

что-то сказала, Строкин не разобрал, и из-за дверей раздался смех ребёнка и самой Женечки. В коридор начали выходить дети из хорового кабинета, и директор, поздоровавшись, спустился с ними снова на первый этаж.

В кабинете разыгрывался Сёма, по своему обыкновению разговаривая с Искрой вслух.

«Или обойдётся? – подумал Строкин, вдруг успокаиваясь. – Как же можно такое разрушить?»

Женя

Лёнечка слёг. Сердце.

Ночью она вызвала скорую. Потом он спал, а она долго не могла уснуть, лежала рядом, прислушиваясь к его дыханию. Осторожно обняла, прижалась, стараясь не оставлять между ним и собой даже небольшого пространства.

Ночь – тяжёлое время страхов и одиночества.

Утром они проснулись одновременно. День намечался солнечный. Лёнечка чувствовал себя сносно. На работу она его, конечно, не пустила.

В школе всё шло своим чередом. Женя обзвонила завучей по воспитательной работе из соседних школ, подтверждая, что в четверг они приводят четвёртые классы на концерт «Детской филармонии». Провела два урока у своих учеников, раздала задание альтистам Лёнечки, ответила на телефонные звонки, подготовила очередную срочную бумажку в Управление культуры. Поговорила с родителями в фойе.

Сделала ещё множество мелких, но очень нужных дел, стараясь компенсировать школе отсутствие директора. В перерывах набирала его номер.

– Да, Женечка, я в порядке, – преувеличенно бодро отзывался Лёнечка. – Ты как?

Она тоже в порядке.

В конце дня пришли супруги Ганелины.

– Евгения Александровна, – начала Ганелина, волнуясь, – мы по поводу «Детской филармонии» в четверг. Мы, наверное, не сможем.

– Дочь младшая рожает в Шадрине. Два часа назад зять в роддом увез. Мать уже извелась. Ехать нам надо, – сказал Ганелин, обнимая жену за плечи. – Вы уж не обижайтесь. Может, перенесём на недельку?

– Да не беспокойтесь, езжайте, конечно! И пусть всё будет хорошо!

Ганелины закрыли за собой дверь, и вот тут Женя неожиданно для себя расплакалась, бурно, взахлёб. Пустяковая ситуация. Обзвонить завтра школы, передоговориться. Или найти Ганелиным замену. Не так сложно. Но она продолжала плакать. Сошлись в одну точку и приступ Лёни, и ночной страх потерять его, и такое простое и недоступное ей слово «рожает». С каждым годом труднее становилось принять мысль о том, что беременность, возможно, так и не наступит. И в день рождения, когда Лёнечка сказал про двойню у Пелецкой, и сейчас от слов Ганелиных навалилось отчаяние.

Потом она привыкнет к мысли и об этих детях тоже, справится с собой, начнёт улыбаться, заглядывая в чужие коляски и рассматривая фотографии.

Тогда она смогла сдержаться, потому что Лёнечка был рядом, а он так переживает, но сегодня слёзы текли и текли без остановки.

– Евгения Александровна, вы домой идёте? – заглянул в кабинет Велехов.

Женя только мотнула головой и отвернулась. Кажется, Герман Владимирович хотел спросить что-то ещё, но не спросил, а просто тихо притворил дверь.

Сейчас ученики и педагоги разойдутся, и она сможет выскользнуть из школы, ни с кем не разговаривая. Наверное, нужно умыться. И позвонить Лёнечке.

Лёнечка тут же позвонил сам. Он в порядке, уже даже очень хорошо. Ждёт дома, готовит ужин.

– Да, я собираюсь, – сказала Женя.

В коридоре, напротив кабинета, сидел Велехов. Когда Женя вышла, он вскочил.

– Евгения Александровна, что-то случилось? Я могу помочь?

Ситуация с концертом разрешилась в один миг. Герман Владимирович заверил, что с удовольствием расскажет детям про виолончель и сыграет несколько пьес. Спросил про здоровье Леонида Андреевича, деликатно предложил прогулять Женю хотя бы до трамвая, потому что ей нужно поды-

шать свежим воздухом.

Шли молча. Потом ехали у заднего окна, разглядывая рельсы, выбегающие из-под вагона.

Герман проводил её до подъезда:

– Леониду Андреевичу – привет и пожелания скорейшего выздоровления.

Женя снова кивнула. И подумала, что прозвучавшая фраза показалась бы ей высокопарной, скажи так кто-то другой, но у Германа Владимировича вышло очень естественно.

В четверг с утра её захватил круговорот дел. Лёнечка сидел на больничном, хотя и рвался на работу. К приходу четвёртых классов из двух соседних школ она видела Германа Владимировича мельком, они только поздоровались, и Женя напомнила, что в шестнадцать часов ждёт его в актовом зале.

Она проследила, чтобы классные руководители начали рассаживать детей, и пошла в сторону теоретического класса. Навстречу попалась Соня со своей бандой мальчишек.

– Евгения Александровна, а можно нам тоже? У нас сейчас сольфеджио. Герман Владимирович задание дал, но мы хотим его послушать. Можно? Мы потом сделаем. Честно! Уговорите его.

– Я постараюсь.

Ребята радостно загудели и просочились в актовый зал.

Часы на стене показывали пятнадцать пятьдесят. Дверь теоретического класса отворилась, и Герман Владимирович шагнул навстречу Жене:

– Евгения Александровна, я готов!

Велехов был неотразим: концертный фрак, белая бабочка, блеск во взоре. Когда он появился на сцене, женская часть зрителей дружно вздохнула. «Детская филармония» обычно длилась не больше урока. Но Герман Владимирович с первых слов и нот так виртуозно завладел залом, что Женя не стала его прерывать, даже когда время перевалило за час. И только жалела, что Лёнечка пропускает этот великолепный концерт.

Виолончель в руках Германа звучала сильно и проникновенно. Короткие пьесы наполнились такой глубиной, что стали казаться не отдельными произведениями, а как будто бы микроскопической частью чего-то огромного, не раскрывающего до поры своей мощи. Но Женечка угадывала эту мощь и временами чувствовала, как, следуя за звуками виолончели, будто бы прорывается на берег океана после долгого-долгого пути по узкой лесной тропке.

После концерта Велехова обступили ученики.

– Теперь у меня появилась ещё одна любовь на всю жизнь, – звенящим голосом произнесла Соня, – ви-о-лончель! Ну, после скрипки, конечно, – добавила она, оглянувшись на Евгению Александровну, к которой уже шестой год ходила на специальность.

Женя проводила четвероклассников, принимая восхищённые отзывы от классных руководителей, вернулась в зал, увидела Германа, который продолжал стоять в окружении

старших учеников, вытирая платком стекающие по лбу и вискам капли пота, и поспешила его спасти:

– Ребят, может, отпустим Германа Владимировича?

Дети неохотно разошлись, и они остались вдвоём.

– Это было здорово! – сказала она ему, очень стараясь, чтобы вышло по-взрослому, не с таким неприкрытым восторгом, как у Сони.

– Спасибо! Я тоже собой сегодня доволен.

И опять Женя радостно удивилась тому, как естественно прозвучала у Германа Владимировича собственная оценка. Ни самолюбования, ни ложной скромности. Просто подведение итогов работы.

Хорошо.

Соня

Соня Белкина считала себя человеком серьёзным и к любому делу подходила обстоятельно. К тринадцати годам она запланировала первый раз влюбиться и сразу после дня рождения принялась осуществлять задуманное. Однако кандидатов на ответственную роль возлюбленного было, прямо скажем, негусто. А точнее, никого. Ну, в самом деле, не в одноклассников же влюбляться! Банда из музыкальной школы тоже серьёзно не рассматривалась, хотя Соня и знала, что как минимум четверо из семи в неё влюблены. Смешно и лестно одновременно, больше смешно. Но нет, первой любовью, безусловно, должен был стать человек выдающийся!

После концерта «Детской филармонии» имя героя обозначилось настолько явно, что Соня тут же прекратила поиски, поставила на страничке «ВКонтакте» статус «влюблена» с тремя сердечками и погрузилась в сладостный мир подростковых переживаний.

Перво-наперво, рядом с предметом обожания нужно стать такой же безукоризненно прекрасной! Соня произвела осмотр гардероба и пришла к безутешному выводу: носить ей абсолютно нечего, и вообще…

– Папа! – крикнула она вглубь квартиры со слезой в голосе.

Денис Сергеевич, дремавший перед телевизором в соседней комнате, вскочил с дивана и ринулся спасать дочь.

Соня стояла в спальне перед зеркальной дверью платяного шкафа. На лице и во всей фигуре читалась высшая степень трагизма.

– Чего кричим? – успокаиваясь, поинтересовался отец.

– Папа, я уродина!

– А-а-а! – Денис Сергеевич сел на кровать и подтянул под спину подушку.

– И волосы! Ужас какой-то! Может, мне постричься? – продолжала Соня. – И ещё мне просто необходимо настоящее концертное платье. Я уже не в первом классе, чтобы выходить на сцену непонятно в чём! Вот Герман Владимирович на сцену во фраке выходит! И вообще, папа… Папа? Папа, ты меня слушаешь?!

– А? Фрак? Зачем тебе фрак? – встрепенулся снова успевший задремать Денис Сергеевич.

– Да не мне фрак! Фрак у Германа Владимировича. А мне нужно концертное платье. Тёмно-синее. Мне пойдёт тёмно-синее? Хотя с такими волосами никакое платье не поможет! – голос Сони вновь погрузился в пучину отчаяния.

Платье они, конечно, купили.

Мама разрешила подрезать волосы, оставив длину чуть ниже плеч. И если приложить усилие, то кудряшки можно вытянуть до приемлемого состояния. Чем Соня теперь и занималась в свободное время, особенно перед уроками сольфеджио и музлитературы, что отнюдь не мешало ей готовиться к концерту.

Она сама затеяла пригласить в музыкальную школу папин цех и дать концерт. Чтобы всем доказать, что она уже взрослая. И Герману Владимировичу в том числе. Особенно Герману Владимировичу. Она уговорила папу, заручилась согласием Евгении Александровны, составила программу и сделала пригласительные. А ещё, ещё она такое придумала… Собственно, с этого и началась подготовка. Примерив платье, Соня ещё в магазине представила, как здорово было бы сыграть на сцене с Германом Владимировичем, чтобы вот она в своём новом тёмно-синем, а он во фраке. Картинка виделась такой яркой, что Соня, недолго сомневаясь, выбежала из примерочной, обняла отца за шею и сказала, что хочет устроить для него концерт. Зачем? Потому что очень его

любит. И возражения не принимаются!

В глубине души Соня признавала, что поступает нечестно: не ради папы это всё. Но ведь и ради папы тоже – успокоила она свою совесть.

Самым сложным оказалось решиться на разговор с Велеховым. После сольфеджио Соня шикнула на банду, чтобы они выметались из кабинета.

– Герман Владимирович, можно с вами поговорить?

– Да, Соня, слушаю, – с готовностью отозвался Велехов, отрываясь от записей в учебном журнале.

– На концерте, ну, вы знаете, в конце месяца мой папа придёт на концерт со своим цехом. Вот мне хочется сделать папе подарок. Вы сыграете со мной дуэтом?

– Да, хорошо. А что мы собираемся исполнять?

Получить согласие оказалось так просто, что Соня, выйдя из класса, какое-то время постояла в коридоре с блаженной улыбкой. Они будут играть на одной сцене! В понедельник, после уроков – первая репетиция!

– Сонька, пошли уже! – банда толпилась у выхода, вызывая у вахтёрши Веры Борисовны неконтролируемое желание накормить охламонов пирожками с капустой, только чтобы они перестали шуметь над ухом. Банда отвлекла её от важного занятия: Вера Борисовна задумала связать удава невероятной длины и поселить его на лестничном пролёте так, чтобы хвост оказался на первом этаже, а голова – на втором, или наоборот, она ещё не решила. Что вызвало к жизни столь

грандиозный замысел – сказать трудно, но к его осуществлению она приступила с большим энтузиазмом.

Соня шикнула на банду, отобрала у них свою куртку и первая вышла на улицу. Ей хотелось разогнать мальчишек и пройтись одной, чтобы ещё раз перебрать в голове детали разговора с Велеховым и помечтать о том, как в понедельник они будут репетировать. Но банда разгоняться отказывалась. Они устроили состязание: кто на ходу дольше продержит на указательном пальце вращающийся спиннер. Ванька Оборин споткнулся о плитку на Молодёжной аллее и грохнулся со всей дури, пытаясь поймать игрушку. Спиннер улетел в чахлую траву газона. Пока они поднимали Ваньку и искали спиннер, их догнали Велехов со Строкиными.

– Вы чего Ивана по полу валяете? – спросил Леонид Андреевич.

– Потому что придурки, – буркнула Соня.

– Просто под ноги надо смотреть, когда крутишь. Вот, – Ванька снова заставил спиннер крутиться и медленно пошёл по аллее, потом развернулся и жестом фокусника перебросил вращающийся предмет с указательного пальца на мизинец.

– Прекрасно! – зааплодировал директор, а за ним и остальные. – А можно попробовать?

Они задержались на аллее ещё на полчаса. Леонид Андреевич под градом советов учился вращать спиннер на пальце, несколько раз ронял, извинялся и начинал снова. Евгения

Александровна смотрела на мужа с улыбкой и переживала.

– А вы не хотите? – спросила у Велехова Соня. – Дайте кто-нибудь Герману Владимировичу.

Велехов взял спиннер, как показалось Соне, с неохотой, и она даже пожалела, что втянула его в такое глупое занятие, покрутил, словно примериваясь, потом поставил на указательный палец правой руки, ещё крутанул, сделал несколько шагов, имитируя вальс, подбросил спиннер так, что тот три раза перевернулся в воздухе, и поймал на указательный палец левой руки.

– Вау, класс! – дружно выдохнула банда.

– Герман Владимирович, браво! – сказал Строкин, возвращая спиннер Ваньке.

Вся компания наконец-то стронулась с места. Соня, сияя глазами, шла с мальчишками впереди, время от времени украдкой оглядываясь на Велехова.

«Он бог!» – ликовала она в душе.

* * *

Пошла уже третья неделя, как они репетировали дуэт. Пьесу неизвестного, предположительно французского автора середины девятнадцатого века в переложении для скрипки и виолончели отыскала Евгения Александровна в нотных запасах мужа. Партия скрипки, нежная и хрупкая, устремлялась вверх, готовая оборваться и затихнуть, но мягко всту-

пала виолончель, и скрипка обретала опору и силу. Сначала Соне хотелось сыграть с Германом Владимировичем что-то такое яркое, чтобы ух! Но потом она просто влюбилась в пьесу, потому что каждый раз, когда вступала виолончель, у Сони по спине бегали мурашки размером с хомяка, не меньше.

Спасибо Евгении Александровне за то, что нашла такое чудо! Правда, приходить на их репетиции с Велеховым могла бы и пореже. Соня сама справляется!

Герман Владимирович был сосредоточен и терпелив. Соня поначалу здорово волновалась, плохо спала перед первой репетицией и даже не съела за день ни одного круассана с шоколадом, которые любила до самоотречения. Но работа началась, и пьеса звучала лучше и лучше. Герман Владимирович улыбался, хвалил Соню. Соня расцветала, и количество круассанов с шоколадом снова вошло в норму.

За день до концерта Денис Сергеевич остановился перед дверью комнаты, за которой радостно пела Сонина скрипка, постоял, прислушиваясь, и нерешительно постучал в дверь.

– Дочь, тут такое дело… Виталич подменить попросил. Я-то думал, что буду выходной завтра, а получается, что с ночи.

– И-и-и? – нахмурилась Соня.

– Уставший буду. Я тебе там точно нужен? На концерте? Может, мама без меня, а?

– Папа, так нечестно! Мы готовились! Ну, па-а-а-ап! Ты ведь придёшь?

– Приду!

День концерта должен был стать лучшим днём в её жизни.

Соня уже выходила на сцену в составе ансамбля скрипачей. Хотя ансамбль не считается. Она думала только о дуэте с Велеховым. В начале концерта он разыгрывался у себя в кабинете, а за три номера до их выступления появился в кулисах и предстал перед Соней. Ослепительный!

Родители сидели удачно, в пятом ряду. Мама достала телефон и даже начала снимать выступление ансамбля, но Соня скорчила отчаянную гримасу, которая означала: «Мама, ну мы же договаривались, что ты снимаешь наш дуэт – и только. А то у тебя или телефон разрядится, или памяти на нём не хватит!» Мама смирилась и опустила телефон.

Итак, момент триумфа настал. Доиграл свою пьесу Сёма под аккомпанемент Маргариты Генриховны, и Евгения Александровна объявила:

– Дорогие друзья, концертная программа подготовлена по инициативе ученицы шестого класса Сони Белкиной. Я приглашаю на сцену Соню. Она выступит в дуэте для скрипки и виолончели с Германом Владимировичем Велеховым.

– Я посвящаю этот номер моему папе! – произнесла Соня заготовленную фразу. Зал захлопал, Денис Сергеевич смущённо помахал дочери рукой, а она вскинула скрипку, чуть развернулась к Велехову и теперь стала смотреть только на него. Герман Владимирович кивнул. За кулисами ей казалось, что она спокойна. А сейчас на сцене подступило вол-

нение: захотелось пригладить волосы, и ещё нестерпимо зачесалось под левой лопаткой. Длилось это всего мгновение, но Велехов, будто почувствовав, ободряюще улыбнулся. Соня повела плечами и вступила.

Скрипка и виолончель пели слаженно и вдохновенно. Соня не отрывала глаз от Германа Владимировича, и тот слегка кивал ей в такт, поддерживая. И только на последней ноте, когда они сошлись в октаву, Соня кинула взгляд на зал, и сердце её остановилось.

Денис Сергеевич спал.

Спал в кресле посреди актового зала музыкальной школы, умиротворённый пьесой в свою честь. И в тот миг, когда смычки уже оторвались от струн, последний звук замирал где-то в вышине, а шум аплодисментов ещё не смял тишину, в этот единственный миг отец Сони ещё вдруг сладко всхрапнул.

Хлопали им много и долго. Герман Владимирович протянул Соне руку, и они поклонились вместе. Но она почти не ощутила прикосновения его руки. То, что могло составлять содержание девичьих грёз на ближайший месяц, прошло незамеченным. В ней как будто зацементировали все чувства разом, кроме стыда за отца.

Специально для него играли, а он… Я посвящаю этот номер… дура пафосная!

Соня, сдерживая рыдания, выскочила из актового зала, добежала до кабинета по специальности и забилась в угол за

фортепиано.

Жизнь её была кончена.

Леонид

Зрители постепенно разошлись, а родители Сони растерянно топтались в холле. Рядом стояли Женечка и Велехов. Когда Строкин подошёл к ним, Денис Сергеевич, видимо, уже не первый раз за сегодняшний вечер начал оправдываться:

– С ночи я, со смены. Уставший. А они так играют, прямо убаюкали.

– Да вы не переживайте, поплачет и отойдёт, – успокаивала педагогов, а больше мужа, мама Сони, впрочем, получалось не очень убедительно.

– Лёнечка, может, ты поговоришь, у нас ничего не выходит, она уже минут сорок плачет, – попросила Женечка.

Смешная девочка Соня Белкина сидела в углу кабинета на полу прямо в концертном платье и рыдала, уткнувшись лбом в колени. Строкин опустился на пол рядом с ней и опёрся спиной о стену. Соня чуть притихла, но голову от коленей не подняла.

Помолчали. Соня всхлипывала, Строкин медленно подбирал слова:

– А я бы тоже хотел сыграть для своего отца. Я не знаю, понравилось бы ему или нет. Я плохо помню, что он любил. Но он даже не успел узнать, что я могу играть на скрипке.

* * *

В семь лет Лёнька потерял обоих родителей. Вернее, сначала внезапно умер отец. В жаркий день, прямо в цеху. Катя, Лёнькина тётка по матери, поселилась вместе с ними, чтобы помочь на первых порах, пока семья приходит в себя. Сёстры были удивительно похожи, но старшая даже в скорби, а Лёнька уже почти и не помнил мать другой, оставалась красивой, младшая же Катя на её фоне выглядела чуть ли не дурнушкой. Впрочем, она не унывала. Да и когда унывать?

Вера, Лёнькина мать, после смерти мужа так и не отошла, считала его предателем, обещавшим ей счастливую жизнь и не сдержавшим своего обещания, и всё глубже погружалась в сумрачную бездну горя.

– Как он мог так со мной поступить? – тысячи и тысячи раз спрашивала она то ли младшую сестру, то ли какие-то неведомые высшие силы.

Сначала Катя пыталась ответить на вопрос разумно, потом перестала. Что можно сказать в защиту человека, у которого внезапно остановилось сердце? Что он нечаянно, что не хотел?

Самым страшным в тихом помешательстве стало то, что мать совершенно забросила Лёньку. Сын оставался частью прошлой жизни с любящим мужем, с семьёй. А теперь-то?

Лёнька мыкался по квартире, заглядывал матери в глаза,

пристраивался с машинкой возле ног. Она отодвигала его и отходила к окну. Тут Катя вмешивалась, тормошила племянника, звала есть блинчики. Лёнька, оглянувшись на мать и вздохнув, послушно брал тётку за руку и шёл на кухню, и только съев блин с малиновым вареньем, начинал потихоньку улыбаться. Катя жалела сестру, жалела Лёньку, утешала себя тем, что нужно подождать, что время лечит. Но дни складывались в месяцы, а ничего не менялось.

Шёл август. Теперь Лёнька целыми днями болтался во дворе и возвращался домой только под вечер, грязный, исцарапанный и голодный. Волосы у него отросли и выгорели на солнце. Катя кормила, гнала в ванну и мазала царапины зелёнкой.

Однажды она шла с работы, обдумывая серьёзнейшую проблему: варить ли на ужин пшённую кашу или пожарить, наконец, картошку, которую племянник просит уже неделю. У подъезда встретилась Зойка с первого этажа, громкая женщина в домашнем халате и вечной косынке на голове, закреплённой для верности «невидимками».

– Лёньку-то уже в школу записали? В какой класс, в «А», в «Б»? – спросила Зойка, грызя семечки из газетного кулька и интеллигентно сплёвывая кожуру в сторону урны.

– Наверное, я не знаю, – растерялась Катя.

– А мою Светку записали в «В». Форму пойдём завтра покупать. А портфель от старшей остался. Светка ревёт, новый хочет. А я разве на них напасусь, на эту ораву? Пусть со ста-

рым ходит, нечего!

Катя молча покивала, протиснулась мимо Зойки и стала подниматься в квартиру с твёрдым намерением поговорить с сестрой про племянника.

В квартире пахло едой, и Катя обрадовалась. В последнее время Вера как будто бы начала приходить в себя: перебирала вещи, чаще стала заглядывать на кухню. Вот и сейчас она стояла у раковины, перетирая вымытые тарелки. Сёстры даже поулыбались друг другу. Но как только Катя завела разговор о Лёньке, Вера улыбаться перестала.

– Мне это не нужно, – сказала она.

– То есть как не нужно? Что не нужно? Твой сын?

– Я его рожала для Андрея. Он хотел ребёнка. А потом меня бросил.

– Он умер.

Вера пожала плечами.

– Да, понятно, – Катя начинала злиться. – Но Лёньке-то нужна мать. Ты его в школу записала, портфель купила? Ты вообще собираешься ребёнком заниматься?

Сестра тщательно вытерла тарелку, поставила на полку и взялась за следующую.

– Я понимаю, у тебя горе. Андрей… очень хороший, – Катя проглотила слово «был». – Ты его любила. Я понимаю. Но ведь и у Лёньки горе! Он отца потерял. А теперь, я смотрю, и тебя тоже. Да брось ты к чёртовой матери тарелки эти! – закричала Катя, дёрнув полотенце. Тарелка выскользнула у

Веры из рук, хлопнулась об пол и разбилась.

– Я устала. Как же я устала. Уйдите! Не трогайте меня! – Вера оттолкнула сестру и вышла.

Через полчаса, когда Катя уже успокоилась, собрала осколки и подмела на кухне пол, раздался торопливый стук в дверь: Лёнька прибежал с улицы.

– Есть будешь? – спросила Катя.

– Угу.

– Давай мой руки и за стол, – Катя потрепала племянника по вихрам на макушке и заглянула в комнату.

Сестра неподвижно стояла у окна, упершись лбом в стекло.

* * *

– Он работал у мартеновской печи, как и твой папа. У него прямо в цеху остановилось сердце. Очень тяжёлая работа у наших отцов, – сказал Строкин притихшей Соне.

– Папа предупреждал, что ночная смена. А мне так хотелось, чтобы он пришёл, – Соня подняла голову и виновато посмотрела на Леонида Андреевича.

– Он пришёл. И ждёт внизу вместе с мамой, Германом Владимировичем и Евгенией Александровной. Мне кажется, тебе стоит спуститься к ним. Вы очень хорошо сегодня играли.

– Я… да, спасибо! Я спущусь! – Соня вскочила на ноги и

стала приглаживать волосы, глядя в полированную поверхность фортепиано как в зеркало. – Чуть-чуть попозже! Не могу же я появиться в таком виде!

«О, женщины!» – рассмеялся про себя Строкин и, с трудом поднявшись с пола, вышел из кабинета.

Глава 4. Ноябрь 2017 года

Герман

Время вело себя странно, если не сказать загадочно. Жизнь в Новозаводске тянулась неспешно, несуетливо. А дни пролетали с бешеной скоростью. Вот уже и ноябрь открылся на календаре с муми-троллями, оставшемся на стене от предыдущих хозяев. Снег ещё не выпал, но в воздухе висело ожидание зимнего обновления и чистоты.

Герман ощущал и в себе это обновление, а вместе с ним неторопливость и ясность души. День был наполнен работой: в первой половине он играл на виолончели, играл много и с удовольствием, сравнимым разве что с теми детскими ещё годами, когда занятие, которое стояло в ряду других, вдруг стало получаться, приносить радость и возбуждать нетерпеливый интерес к новым партиям. Во второй половине дня он вёл уроки, получая удовольствие и от педагогической деятельности.

Он открывал детям миры, о которых сам уже успел забыть: сонаты Баха, симфонии Бетховена, Моцарт и Чайковский, Вивальди и Гайдн, вся бессмертная и затасканная цивилизацией до отвращения классика предстала ему в своём новорождённом виде. Готовясь к урокам, переслушивая и переигрывая темы и отрывки из произведений крупной формы, он вдруг поймал себя на полузабытом чувстве восторга

от красоты и совершенства музыки, когда в горле стоит ком, на глазах – слёзы, и хочется обнять весь мир.

И если в лицах учеников он вдруг ловил на уроке отблеск собственного восторга, то чувствовал себя… счастливым? Да, пожалуй.

После занятий он часто шёл домой пешком со Строкиными и детьми. А если Леонид Андреевич был на машине, то не отказывался поехать и заглянуть в гости. Чем ближе он узнавал директора и его жену, тем охотнее соглашался провести вечер в их доме. Коллекция нот для струнных инструментов, которую хозяин дома собирал всю жизнь, таила в себе изумительные находки. Проведя в «Комнате чудес» не один час, Герман обеспечил себя нотами на несколько месяцев занятий. Строкин с удовольствием рассказывал, как собиралась коллекция, не скупился на подробности и откровенно гордился своим собранием.

Так же откровенно, с неприкрытым обожанием он смотрел на жену. И Герман не уставал наблюдать за ним. А ещё восхищался тем, насколько точным было попадание Строкина в свою среду, в свою работу, в свой город. Леонид Андреевич представлялся Герману эндемиком, кем-то вроде тех рачков, что живут только в Байкале и являются главными чистильщиками озера. Рядом со Строкиным пространство и сам воздух как будто становились чище, а жизнь – осмысленнее.

Но если директора Герман с трудом мог себе представить

вне Новозаводска, то его жена вполне вписывалась в любую обстановку. Правда, почувствовать Евгению Александровну давалось Герману сложнее. Она была красива той резкой красотой, что сразу бросается в глаза, но не выглядит вульгарной: высокая, стройная, с шапкой густых жёстких волос, с волевым лицом, прямым взглядом и сильным голосом. Но внешняя её сила соединялась с мягкостью и постоянным стремлением уйти в тень мужа, не выпячивать свои желания, подчиняться его решениям. Она как будто ускользала из рук, сбегала, не давая рассмотреть себя и понять окончательно. Внешняя красота при этом отходила на второй план, как будто размывалась. Тем не менее, Велехов, мучимый противоречиями восприятия, постоянно ощущал со стороны Жени (про себя он уже давно отбросил отчество Александровна, но называть Женечкой, как Строкин, пока не решался) молчаливую поддержку и тепло и был благодарен ей за это. Такой поддержки и тепла ему недоставало от Ирины, его колючей, язвительной, непредсказуемой Ирины. Кажется, он начинал по-хорошему завидовать Леониду Андреевичу.

Подобные мысли Велехов таил глубоко в себе, наслаждаясь вечерами в кругу новообретённых друзей.

– Давно хотел спросить, что вы тогда такое сказали Соне? Как смогли успокоить? – спросил как-то Герман. Они поужинали и сидели за чаем на кухне.

– Сказал, что мечтал сыграть для своего отца, – отозвался Леонид Андреевич. – Хотя ничего особенного не сказал.

Теряюсь в таких ситуациях. И не очень понимаю, как поступать. Мне иногда кажется, что я не настоящий педагог. Потому что у меня нет алгоритмов и верных решений на все случаи жизни. А есть ли на свете такие решения? Знаете, я раньше всерьёз обдумывал теорию, что идеальными педагогами могут быть только люди-монахи. Да-да, не смейтесь! Люди, отрекшиеся от себя, нет, неправильно сказал, от жизни ради себя в пользу жизни ради детей, аскеты-праведники, с незамутнённой совестью, образцы для подражания. Вот вы, Герман, сейчас очень похожи на такого педагога. В вас практически нет недостатков, – закончил он неожиданно, так что они втроём расхохотались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.